

Контрапункты

КОНТРАПУНКТЫ

СТИХИ

Вера Зубарева, Борис Кокотов, Борис Кушнер

Seagull Press
Baltimore
2008

Контрапункты
стихи

Вера Зубарева, Борис Кокотов, Борис Кушнер

Counterpoints
Poetry Collection

Vera Zubarev, Boris Kokotov, Boris Kushner

Copyright © 2008 by
Vera Zubarev, Boris Kokotov, Boris Kushner
All rights reserved

Published by Seagull Press
516 Academy Road, Owings Mills, MD 21117, USA

Printed in United States of America
First printing 2008

Library of Congress Control Number:

ISBN

К ЧИТАТЕЛЮ

ВЕРА ЗУБАРЕВА: Цель этого Вступительного слова – рассказать читателю о сборнике то, что до сих пор знали только мы. Всё, остальное, чего мы не знали, могут лучше нас написать критики, если этот сборник попадётся им под руку (надеемся, не под горячую). Итак, замысел этой книги «на троих» родился, казалось бы, неожиданно, но, следуя теории предрасположенностей Арона Каценелинбойгена, за этим стояла довольно «развитая стадия предрасположенности», которая включала в себя много различных компонентов (как и положено предрасположенности, выстраивающейся не из одного-двух, а набора всевозможных признаков). Прежде всего и изначально, нас связывает пагубное пристрастие к «внецелевой целесообразности». Поэзия есть одно из её наиболее ярких проявлений. Но этого недостаточно, чтобы пожелать объединиться в трёхчастную молекулу сборника. Нужно то, что в английском называется *chemistry* (ничего общего не имеет с русским «химичить»). Настроенность на одну волну было следующим шагом к созданию этой предрасположенности. Как оказалось, во многих случаях мы даже понимали друг друга без слов, и улавливали мысли на расстоянии Филадельфия – Питсбург – Балтимор. Кроме того, нам всем присуща автономность (поэтому мы не триада), и не чуждо ничто человеческое (поэтому мы не троица). У нас есть общие темы, которые нас волнуют, но обсуждение их рождает многоголосие со всеми вытекающими из него контрапунктами. В результате работы над сборником, мы обнаружили, что это, пользуясь музыкальными терминами, скорее похоже на трёхголосную фугу.

БОРИС КОКОТОВ: Мой приятель, художник Гена Гурвич, пишет свои автобиографии в обращенной хронологии. Первую строчку всегда занимает последняя выставка, далее – следует список предшествующих, потом дата переезда в Штаты, ну и так далее. А в самом конце мы узнаем о событии, имеющем исчезающую вероятность, но тем не менее абсолютно достоверном, – Генином появлении на свет. «Нормальная» биография непредсказуема и незавершена. Обращенная – поражает своей стройностью и неколебимой целесообразностью, она всегда полностью закончена. В свете сказанного, когда эта книга выйдет из печати, в биографии каждого из ее участников событие это по праву займет верхнюю строчку. На короткий срок судьбы авторов, линии их жизней пересеклись – и точка пересечения сделалась точкой отсчета – или лучше сказать, развилкой, вроде былинно-сказочного перекрёстка.: направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь – в мехмат попадешь. Конь, разумеется, шахматный; один из Борисов терял его неоднократно, серьёзно и долгие годы увлекаясь мудрой игрой. Зато мехмат – самый что ни на есть настоящий, в котором другой Борис учился а затем преподавал. Пойдя прямо, неизбежно попадешь в город у моря, в драматический кружок или куда-нибудь еще, не столь драматическое, но тоже волнующе-захватывающее, как и всё, что связано с третьим участником этого сборника, Верой. В сказке развилка появляется ниоткуда, вне всякой логики; она – одноразового пользования, разрушающаяся как только выбор сделан. В реальной жизни (для простоты следовало бы сказать – в несказочном контексте) происходит нечто иное: однажды возникнув, развилка становится несокрушимой, хотя её «развилочное» качество постепенно ослабевает, и в туманной дали (прошлого? будущего?) дорожки незаметно сходятся. Но в нашем случае эта метафора не работает, поскольку читатель может идти по всем трем дорожкам одновременно (превзойдя таким образом фотон в известном квантовом опыте со щелями). Впрочем, для того, чтобы это произошло, прочтение книги Читателем должно явиться событием в Его жизни, занять - пусть не надолго - первую строчку в Его «биографии по Гурвичу».

БОРИС КУШНЕР: Когда Вера и мой тёзка Борис Кокотов пригласили меня участвовать в этой необычной книге, я подумал – получится ли? Все знают, кого в одну телегу «впрячь не можно». А можно ли впрячь трёх «трепетных ланей»? Об этом поэт умолчал. Мы такие разные. Вдобавок я встречал Веру и Бориса только в виртуальном пространстве. Почти телепатический контакт. Тем не менее, при всех различиях нас объединяет нечто значительное, хотя и печальное. Ощущение времени, неостановимого, неумолимого времени. Чем дальше плывёшь по его Реке, тем быстрее течение, тем больше потери. Прощальные стихи, стихи памяти... Всё больше их. Как читать эту книгу (если читать)? Мне вспоминается здесь итальянский композитор девятнадцатого века, рекордсмен полифонии Пьетро Раймонди. Одним из невероятных его творений был триптих ораторий Потифар-Иосиф-Яков. Оратории предполагалось исполнять сначала последовательно, а затем все вместе (!). Такой марафонский концерт действительно состоялся в Риме в 1852 году. Думаю, также может поступить и наш читатель, если найдётся таковой. Читать отдельно и всех вместе. Контрапункт, как известно, искусство соединения независимых голосов в *финально* гармоничное целое. Я подчеркнул слово «финально», поскольку в пересечениях голосов-линий могут образовываться такие диссонирующие созвучия, которые не снились отъявленным авангардистам. Так бывает у Баха. Но итог – гармония. Надеюсь, что читатель именно так услышит наш контрапункт.

Борис Кокотов

БОРИС КОКОТОВ – поэт, переводчик, литературный критик – получил техническое образование и работал научным сотрудником в одном из московских исследовательских институтов.

Начало литературной деятельности Бориса приходится на семидесятые годы, когда появилась его первая книга стихов «Эстампы».

С 1991 года живет в г.Балтиморе, США.

Автор шести сборников стихов, последний из которых, «Воздушные ямы», вышел из печати в 2007 году, а также ряда эссе и переводов из немецкой, английской и современной американской поэзии.

Публикуется в периодической прессе США, России, Германии и Израиля.

“Стихи Бориса Кокотова – ярко-образны, осязаемо предметны, современны и звучанием, и ритмикой, и особой многомерностью поэтического взгляда.

Несущая линия его поэзии отмечена пластичностью, изяществом, музыкальностью. Однако, при всей привлекательности формы, ткань стиха - не самодавлеющая, ибо всякий раз проявляется стремление поэта к размышлению и высказыванию не лукаво-игровому, но важному и весомому по своей человеческой сути.” (Сергей Шелковий)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

1.

Когда над могилой твоею
апрельское солнце встает,
я сердцем понять не умею,
что годы прошли, а не год.

Плита и цветник за оградой,
песок желтоватый, скамья,
короткая надпись: две даты –
оплаченный счет бытия.

Смерть стерла черты твои с фото,
и запах вещей стал ничьим...
Забвение – это забота
последняя тех, кто почил.

И вот, с каждым шагом всё ближе
к границе сознания и сна,
из памяти ты, как из жизни,
уйти неизбежно должна.

Неслышно подходишь к кровати,
как в детстве стоишь надо мной
с безмерной любовью во взгляде,
где я похоронен живой.

2.

На фотографии предвоенного года
мои родители... Красивая пара!
И молоды... молоды... Студийное фото:
-Подбородок повыше, голову чуть-чуть направо-

То, что случилось, случилось не с ними:
эвакуация, смерть сынишки...
Зачем из хаоса возникает Снимок
под выхлоп пасмурной фотовспышки?

Отец обнимает маму за плечи...
Как они счастливы, эти ребята!
Карточка, пропуск в картонную вечность
на предъявителя, без дубликата.

Молод отец и мама красива...
-Наклонитесь, пожалуйста, ближе к даме-
На миг застыли пред объективом
и смылись – только их и видали...

3.

На обочине вечности разговор тет-а-тет.
Прохрипела труба архангела - сборы? побудка?
На ладони у Бога спит мой старый отец,
перевитый, как пуповиной, дыхательной трубкой.

Я хочу дотянуться хотя бы ресницей строки,
я пытаюсь прочесть в серый камень обутое слово...
Разрушая миры в оголтелой игре в городки,
о, Небесный Отец, для чего отнимаешь земного?!

Если лик Твой сокрыт, если имя Тебе – Немота,
если бедный мой папка – подушка для швейных иголок,
если плач мой – под каменной буквой черта,
пусть архангел тогда не дудит у пустых мышеловок!

...На обочине вечности боль превращается в свет.
Облекаются в свет шаткий столик, газета с кроссвордом...
«Ты простужен, сынок?». «Не волнуйся!» – шепчу я в ответ...

Эхо звёзд.

Остывающей меди аккорды...

НЕСКОЛЬКО ПРОСТЫХ СЛОВ

кончается зренье и слух
кончается лес и река
кончается тело и дух
кончается век мотылька

кончается век-мотылёк
качается тело реки
лесное дыханье дорог
увенчано взмахом руки

почувствуешь ветра крыло
тебя зацепило крылом
мгновение века прошло
ни слуху ни духу о нем

пасутся в лесу облака
и ветер летит не спеша
в душе утонула река
в реке отразилась душа

ТИШИНА

Рельс стальное лассо –
пулемётная лента.
Всех пустили в расход.
Тишина вирулентна.

Над равниной ползут
облака в виде танка.
Вот страна, где войну
называли «гражданка».

Пулемётчик строчил,
пулемёт захлебнулся.
Всех пустили в распыл.
Ни один не вернулся...

ЗРИТЕЛЬ

московских гусениц полнометражный зритель
квартировать близ зоомагазина
ты был бы счастлив, и ходить за кормом
для рыбок с золотыми плавниками
по палубе кузнецкого моста,
читать печаль, как музыку, с листа.

переверни стеклянную страницу
где гегель плавает и шустрый фейербах,
и пастырь их с улыбкой олимпийца
на папирсой скомканных устах
лениво возглашает: – господа,
что мы теряем, в сущности, когда...

НО ЕСЛИ Я ВЕРНУСЬ...

Я проплываю над ночной столицей,
неотвратно двигаясь к «Трубе»,
нелепый призрак в талесе и ципес,
бездомный странник в кедах и кипе.

Я мимо Форума стекаю по Садовой
– крылато к подворотням липнет тень.
И вот – «Труба», вот школа-рядом-с-домом,
вот двор наш, утонувший в темноте.

И я завис, бесплотен абсолютно,
над этим утлым уголком земли,
над переулком, спящим беспробудно,
над липовою тайной старых лип.

Мне не за что просить у них прощенья,
мне нечего бояться их суда:
я если и вернусь – то только тенью.
Но если я вернусь – то навсегда.

Примечание:

«Труба» - Трубная улица (в центре Москвы) на жаргоне
шестидесятых;
Форум – название кинотеатра на Садовой (Москва).

АБЕРРАЦИЯ...

Рыжеватый лес на фотографии –
так, пятно цветное, если вдуматься...
Чем-то мы природе не потрафили,
и она капризничает, дуется.

Птичка выпорхнула, вспышка хлопнула,
мальчик улыбается старательно...
От любимых остаются копии,
от фотографа – глазок видоискателя.

Пестрый лес, как бы устав позировать,
изогнулся наподобье ящера.
Прошлое, преломленное линзами,
превратилось в наше настоящее.

Листья падают. Стряхнув остатки ретуши,
мир цветной отсвечивает глянцево.
Мальчик улыбается доверчиво...

Или это только aberrация?

ОПЛЫВАЮЩАЯ СВЕЧА

Оплавает сумерек стеариновая свеча...
Осень потроха... (не путать с *Осенью Патриарха*)
Вытягиваю из себя паутинку, лапками суча,
вздрагивая судорожно, как заправский арахна.

Эфирная сеть усеяна усохших планет комочками,
высосанными воображением прячущегося в засаде
Повелителя Мух (не путать с задроченным
богом философов, помешанных на пиноколаде).

Буратины букварь – злые прописи лесопосадок,
шестипалая школа любви в Окнах Роста...
Обескровленный свет, как строка, выпадает в осадок
и ложится на музыку трав так бессмысленно просто.

ПЕРЕМЕНА МЕСТ

*«От перемены мест слагаемых
сумма не изменяется»*

Не изменяется сумма, как жизнь не переиначивай:
те же лица (пусть в иной комбинации),
номера телефонов, как нехитрый мотивчик, привязчивы,
дата рождения – на выигравшей облигации.

Факты – упрямая вещь, но не упрямее выдумок:
любые различия постепенно стираются.
Исключение из правила – детские кубики:
при перемене мест картинка не получается.

На предметах печать великолепной небрежности:
границы размыты, цвета приблизительны.
Только числа точны, и то, очевидно, из вежливости.
Дробь, впрочем, всегда были мне подозрительны.

ТРИ РИЧЕРКАРА

1.

после того как выученное благополучно забыто,
в сухом остатке обнаружится серое вещество...
что вытворяет тогда подружка твоя, дольче вита!
на какие идёт ухищренья небесная скво!

после того как дотлеет последнее воспоминанье,
кремний кальцию заговорщицки подмигнёт,
и оскалится радостно наносекунда-пиранья,
и скамандует киномеханику: полный вперёд!

2.

едва живой приходит с похорон
его встречает кафельное эхо
вдова в поношенном бушлате зампотеха
рыдает сухо в гулкий мегафон

мысль-прыгалка бьёт яростным хвостом
забыться неотложными делами
и окружающим понятно: кто не с нами,
тот... нет, не против – просто ни при чём

3.

наше время прошло
проступило смолой на коре
мы букашкой застыли
в расплавленном янтаре

в желтом праздничном свете
застряли соринкой в глазу
между тем как галактики-бусы
позванивают на весу...

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

1.

Удельная, Малаховка, Красково
летят на тусклый свет, как мотыльки.
Тысячеверстный гул металлофона,
электровозов встречные свистки.

Игрушка: дирижабль и самолетик...
Не потеряйся ключик заводной,
я б до сих пор кружился беззаботно
над грустной нарисованной землёй.

Нам выходить, но двери раздвижные
не открываются. Платформы нет в помине.
Я задремал у мамы на руках.

Колес по рельсам возгласы стальные.
Названия станций, словно позывные,
пугающе цветут в моих недетских снах.

2.

Этим летом мы в Удельной
сняли дачу у пруда.
Клёны, сосны, редкий ельник
да электропоезда.

Сын резвится в травке, весел,
и, как много лет назад,
опрокинутые в детство
дни нездешние стоят.

Вышли на угол – и точно:
там, в проулке, вдалеке
папа скачет* по Песочной,
мама с сумкою в руке.

Вот уж их фигуры близко;
бедный папка весь в поту...
«Мальчик наш!».

«Привет, Бориска!
Ты поел? Давно ли тут?»

Я прождал на перекрестке
слишком долго – тридцать лет.
Вон, в сторонке, трехколесный
старенький велосипед.

На него мой сын садится...
лето, сосны, мошкара.
прикоснуться бы, проститься...

Но – пора
пора
пора...

УРОК РОДНОЙ РЕЧИ

Родная речь, всё-то в ней не по правилам!
Постыдное дело «разбор предложения».
Скорее – развал! Речь – сплошные развалины!
А учим мы что? – Да одни исключения!

Колочая пропись в косую линейку –
Казенная грамота витиевата.
Распад предложения – так будет точнее.
Слова – это просто продукты распада!

Да здравствует Речь, будь она трижды неладна!
Родная страна широка inferнально.
Я вызван к доске, а на краешке парты –
Стальное перо в саркофаге пенала.

ТЕРМИНАЛЬНЫЙ МАРШ

вдоль границы ходит вдольграничник
стер ежа отечества покой
в саблетравых пущах яголичных
в окианских лужах за рекой

днем и ночью грозно стиснув жвала
ходит вдоль с такими Ж как он
стерегчи отчизна наказала
каждый по нужде на сто рожон

рядового грешного термита
восхищает доблесны маршрут
трошка яда шишка динамита
всяк на бойню подвига зовут

отдадимся должныя героям
не забудем никому про ним
теремитник новый наш пост роем
терминально землю затермим.

ЗЕРКАЛО

Свет, отражаясь, раскалывает пространство.
Предметы пропитаны собственными отражениями,
подобно тому, как люди
пропитаны представлениями о себе.

Мы – обитатели предзеркалья –
видим отраженный свет отраженного неба,
мы погружаемся в отраженную воду,
в которой отражается отраженный свет.

«Познай самого себя» –
гласит дельфийский оракул.
Взгляни на себя со стороны,
посмотри в зеркало...

МИМИКРОН

Законы непростые
в основе бытия,
и гений мимикрии
похож на воробья.

Умение слиться с фоном –
неоценимый плюс!
Брюшком серо-зеленым,
как все, обзаведусь.

Средь ловкачей и выжиг,
пернатых подлецов,
авось удасться выжить
и вывести птенцов.

Но шевелить умишком
приходится и тут:
коль незаметен *слишком*
свои же заклюют!

К МУЗЕ

Российская Муза... Тех, кто с ней баловал,
– от Аннибалова внука до выкреста Осипа –
по хрестоматиям учат за баллы,
и преклоненье привито, как оспа.

Но завоюю ль её благосклонность,
исподтишка в свои опусы втиснув
иноязычные скорбные глоссы:
фразы-мутанты, строки-метисы?

Справа налево и слева направо
знаки леплю, ни на что не надеясь:
мне ли Помора наследников слава? –
лень, право, Музе решать этот ребус!

В СЕРИАЛЕ ПОСМЕРТНОЙ МЕЧТЫ

образок: богоматерь с младенцем
и сусанин с обрезом в углу.
он пустил под откос риббентропа
и в такие дебри врага заманил –
ни мамаю ни карлу не выбраться
из тамбовских да брянских лесов.
там «катюши» и «тридцать-четверки»,
там кутузов со сталиным в «ставке»
перед картиною карты стоят,
примеря зрачки к гibraltarу
в сериале посмертной мечты.

ХУДОЖНИК

Угловатый дом, карета,
мостовая, мелкий дождик...
Сбоку в шляпе у мольберта –
ба, да это ж наш художник!

Приобрёл я сей набросок
по дешёвке, наудачу,
получив пейзаж неброский
вместе с автором впридачу.

В раме выглядят опрятно
старый дом, деревья, дождик...
Совершенно непонятно,
что там делает художник!

Что он наскоро рисует
в нарисованной картине,
примеряя жизнь чужую,
словно шляпу в магазине?

Чей он взгляд насторожённо
ловит, глаз не поднимая? –
никого не видно в окнах
и пустынна мостовая...

Несмотря на дождик мелкий,
угол дома на мольберте
я успел заметить мельком,
проезжая в той карете...

БРАВО, САЛЬЕРИ!

Мирно на полке соседствуют книги, чьи авторы враждовали.
Полотна соперников давних рядом висят в галерее.
Барышня на клавесине мелодию наиграла.
- Моцарт, не так ли? - Она рассмеялась: - Сальери!

В хранилищах места побольше, чем под солнцем.
Зависть и месть здесь бытуют лишь в рамках сюжета.
Барышня, кто мог представить, что вам доведется,
клавиш коснувшись, сделаться строчкой сонета.

Кажется встреча случайной, музыка кажется вечной -
то и другое обманчиво, как ни странно:
порознь существуют следствие и причина.

- Bravo, Сальери! - Я восклицаю беспечно.
Жизнь, в самом деле, просто сюжет для романа
если бессмертие - пьеса для клавесина.

КОНЧЕРТО

внимаю вполуха сквалыге-клавиру:
бах сын? бах отец? бах дух-меломан?
эпоха поставила их по wrong-жиру
расставила музыка всё по mess-там.

бренчит очарованный противнь кончерто
второй бранденбургский калёный орех
испорченной нотой чадящей посмертно
что вечного зла не хватает на всех.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Гусеница обустривает кокон, вырубается без наркоза,
перевоплощается в бабочку, что мало кого удивляет.
Может летать, оказывается, рожденный ползать.
Рожденный летать, пожалуй, вовсе не умирает.

Гусеница – прожорлива, бабочка – та постится,
цветочную пыльцу переносит без видимого усилия.
Бабочками не рождаются,
но можно в неё превратиться:
отползать своё – и, однажды, расправить легкие крылья.

ДРИАДА

очнешься в толще древесины
в оправе годовых колец
расхристанной дриадой

пошевелиться трудно
онемели пальцы
одрвенели позвонки

тарачишься вовне
отростком мысли –
ни глаз ни зренья

разыскиваешь руки
собственную кожу –
вот ветви вот кора

приходит понимание того
что чувства в почве
необратимо укоренены

приходит понимание того
что пониманье – ветер
в широколистой кроне

растущее - недвижимо
смирение спелёнутого жеста
растворено в тебе

как нерасцветший сон

АМАРИЛИС

цветок амарилис чьи лепестки
скрытой камеры мозг опутанный
бесчисленными проводками тяжбы

в которую втянуты те кто ещё не
потерял связь с окружающим
бело-розовым тонко упругие

жгутики перевязки коробочки
полные чисел и анаграмм
взбитые локоны круглой воды

не хочу увяданью учиться у
полевой травы падает на пол
сморщенный лист-калькулятор

любуюсь тобой объятый
благоуханием совершенства
откровенным сияньем любви

и не могу понять для чего
увядает прекрасное разрушается
жизнь без следа без возврата

РЕФЛЕКСИЯ

Архивариус – внук орхидеи, на гармонике хриплой играет.
Стрекоза-кинокамера ловит мгновенья фасеточным оком.
Умное тело плывет по извилинам мозга.
Дважды в один гераклитов поток входите вы:
выпуклых бедер мираж возникает на слайде.
Лишь осязанье не вышло ещё из доверия:
щекой прикасаешься к теплой макушке ребенка.
Мысль – продолжение кожи. В звёздные дали
корабли наших тел уплывают. Любовь
больше не кажется неразрешимой загадкой.

АНАБИОЗ ЛЮБВИ

отпразднуем любви анабиоз,
по образцу находчивой мадам
обдуманно расставив по местам
воспоминаний разноцветный воск.

погружены в асимметричный сон
те, кто пронзён иглою наповал:
вот это – ты, надменный адмирал,
а это – я, поддатый махаон.

...гербарий губ засушенных и слов
оброненных в горячке, второпях...
дотронешься – и обратится в прах
скупое время пыльных мотыльков.

асфальтовую света чешуёй
залит посёлок инобытия:
вот это – ты, с открытой книгой дня,
а это – я, с протянутой рукой...

ИЛЛЮЗИОН

*“We can not cling to the illusion that the signifier
answers to the function of representing the signified”
Jacques Derrida*

отвыкаю думать о тебе,
пребывающей по ту сторону
незавершенного текста, как о
продолжении собственных мыслей:

черты лица утратили определенность,
повадки – привлекательность, фразы,
с такой лёгкостью покидавшие
твои уста, навсегда их покинули и,

словно беженцы после наводнения,
ищут пристанища на этих страницах,
чтобы начать новую жизнь
среди незнакомых слов.

отвыкаю мечтать о тебе: переходя
границу строки, встречаю
выпотрошенную легенду,
а не пламенеющее объятие...

за пределами текста – утверждает
деррида – нет ничего...

но и в тексте
нет ничего, кроме пустоголовой
надежды и безответной любви.

ДИАГНОЗ

Общаясь с тяжело здоровыми людьми,
Осознаешь, для чего нужны сквозняки,
и где механизм отбора дает осечку.

Навещая прикованных к своим делам,
пытаешься отвлечь их внимание беседой
на посторонние темы (как правило, безуспешно).

Напористость развивается в скрытой форме,
поэтому так много запущенных случаев
(в сущности, каждый случай – запущенный).

Хуже всего дела обстоят с влюбленными:
эти – безнадежны, ибо противостоит им
непобедимый инстинкт продолжения рода.

ЖЕРТВАМ СОЛНЕЧНЫХ ЗАТМЕНИЙ

одно неосторожное движение –
в привычном теле хрящик пошатнётся
рассыпется магический кристалл

домашний термоядерный очаг
уютно полыхает и кастрюля
от всей души благословляет кошер

найми лассо ловить крысиный хвост
найди кремьень кастрировать хрониста
и с гостем раздели свой скромный ум

зброшенные букволомни грёз
обходит омраченное светило
ты защищён от посторонних краж

как талисманом песнью песняров
царь-пушкою без ядер в голове
клеёнчатой кевларовой накидкой

востоковеденье – вот вера и пароль!
но остовы костлявых пиктограмм
напоминают о судьбе тирекса:

одно неосторожное затмение ...

ОРАНЖЕРЕЯ

Изгнание из рая, растянувшееся на века,
близится к завершению. Перемещенные лица,
всё это время валявшие дурака,
по инерции продолжают плодиться
и размножаться. На первый взгляд
просторная оранжерея с солнечным обогревом
в точности повторяет эденский сад:
за исключением, пожалуй, древа
жизни и древа познания добра и зла
прочая растительность – в полном ассортименте,
а также звери и птицы; сушая куча-мала
рыб, насекомых, червей... С появлением смерти
(затурканной, робкой, готовой на компромисс)
изменилось немного, но, уверяют,
к лучшему: привилегиям для единиц
назначен срок годности. Идея рая
бесповоротно утвердилась в умах
(вопреки ожиданиям) в качестве мифа
скорее всего, оттого, что ландшафт
подвержен загадочной порче (и фант
азии – тоже!). Чего ни коснись –
ущерб гнездится в самой сердцевине
вещей: какой-то фатальный изъян
и насмешка, словно в помине
не было пастбищ и светлых рек –
одни пустотелые оболочки,
дрянной каталог, бестолковый рек
визит разложения, распада, в рассрочку
выданный тем, кто понуро бредёт
сквозь топкое время, зачем-то лелея
мысль об изгнании. Безначальный исход
близится к завершению...

Оранжерея?

«ЛАМА САБАХТАНИ?»

На исходе второго тысячелетия от Рождества Христова
состояние богооставленности, сделавшись привычным,
не ужасает. «Взошёл на Голгофу»
звучит немного по-альпинистски.

«Эли, эли, лама сабахтани?» –
вопрос повис между землей и небом.
– Плохо он кончил, ваш Назарянин!
– Как посмотреть, уважаемый ребе!

– Перелопатили Книгу, цитат намесили,
а там пророчества. виденья, предвидения...
и вот, пожалуйста вам, Мессия
на белом осле, из Дома Давидова!

Бетлехем в наши дни – арабская деревня.
Доводилось бывать: дыра дырою!
Поклоненье волхвов... кто ж в это верит?
– Те, кто верят во всё остальное!

– Благовещенье, Воскресение... извините!
«благоглупости» как говаривал вождь пролетариата!
Ходил по земле галилейской Учитель,
ну и распяли его с лёгкой руки Пилата!

«Илию зовёт» – предположил зевака.
В тоне евангелиста тень сарказма.
Налетела гроза, громыхнуло из мрака,
разорвалась завеса, наступила Пасха...

У ХРАМОВЫХ ВОРОТ

*«Согрешил я, предав кровь невинную»
Матф. 27. 4*

«А нам-то что? – ответили Иуде –
Он осуждён, ты получил своё:
все тридцать шекелей...
Вернёшь? –
Давай не будем:
пассовер на носу – не до того!»

«Тебе сказали: отвали – и баста!
Закрето разбирательство, усёк?
И нечего совать нам эти баксы:
Он выбрал смерть, ты выбрал кошелёк!»

«Ошибка, говоришь? довольно крови? –
Он Храм хотел разрушить – это факт!
Заладил тут: виновен-невиновен...
Ты сам уйдешь отсюда, или как?»

«Спрячь серебро и позабудь дорогу
к воротам Храма. Сказано – гуляй!
... Ну, наконец убрался, слава Богу!
По горло дел, а этот раздолбай...

СОТВОРИ СЕБЕ ОСТРОВ

1.

Вымерли ящеры в конце мезозоя,
улицы пусты, двурогое солнце не светит,
Plasma TV в каждом жилище,
юный охотник
молится древним богам.

2.

Записка хираганой второпях:
полнолуние девятого января.
Гарнитур «Людовик», оправка «Амур»,
ламинария – рыба, живущая в райском саду.
А ещё: стрекоза, амфибрахий, Харибда...

3.

На преисподних картинах Босха
монеты душ попадают в копилку ада.
Из детского сада приходит
плачущий ребенок.
Кто из нас помнит слова утешения?

4.

Настраивает тощую скрипку
с перекошенным лупой лицом
белокачанный умелец
отвешивает оплеуху сонному покупателю
ибо сознание двоично.

ПРОБЕЛЫ

«И надо оставлять пробелы...»

Б. Пастернак

Искажены названия, в датах – пропуски,
нечто важное недосказано.
Изображаемое чуть-чуть не в фокусе,
изображение немного смазано.

Как в насмешку, на каждом шагу неточности:
существование несоразмерно слову.
Фокус в том, что мы сами чуть-чуть не в фокусе,
и свой срок на земле отбываем условно.

Недостоверны источники веры,
Источники знания непостижимы,
ну а стихи – это просто пробелы
в жизни. И зря мы колдуем над ними...

ГЛАГОЛЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

назначали встречи
звонили по телефону
опаздывали на свидание
ловили такси
отправляли письма
целовались
посещали спектакли
теряли уверенность
катались на лодке
что-то скрывали
дарили книги
путешествовали
слушали музыку
прощались
ужинали с друзьями
бродили по улицам и никогда – по лесу
отказывались понять
стояли в очереди
пытались с кем-то посоветоваться
делали покупки
ссорились говорили неправду
старались скрыть волнение
не могли дозвониться
болели
обедали у родственников
ожидали звонка встречи письма – чего угодно!
боялись признаться
невольно радовались
улыбались при встрече...

ЧЕРНОВИКИ

Черновики: естественный отбор
созвучий точных, гибкого подтекста.
Приставкам, суффиксам невыносимо тесно,
и всяк соседа ест и всем дает отпор.

Черновики, где некий шелкопёр,
игрою слов, сих тварей бессловесных,
отравленный, поставил крест на песне
и смутный мир с незримой карты стёр.

Застывшее – тупик, отставший – обречён:
в кунст-камере пропитан фармалином
бесформенный поэмы эмбрион.

Не продолжать – нельзя, препоны одолимы!
Догадок натиск, финишный бросок –
и жирная черта наискосок.

ДОМ

Дом на Чистых прудах,
подъезд со двора.
Здесь когда ни приду –
конец января.

Те кто раньше тут жили –
давно не живут,
а сугробы лежат
и снежинки снуют.

Странно память устроена:
ни объятий, ни слов,
только белое облако
нерастаявших снов.

Странно память устроена:
ни обид, ни потерь,
и не слышно как хлопнула
за ушедшими дверь...

ПАНТОМИМА

в костюмах бенуа и бакста
упруго прыгать пантомиме
и кланяясь до ниже пола
свои услуги предлагать

кто был движения рабом
кружится вместе с детворою
или в сиреновом трико
свой крест таскает за собою

пока в углу висит пылясь
радиосети паутина
то спотыкаясь то пускаясь в пляс
победно скачет пантомима

СРАЖЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Сражение не состоялось - откуда же столько убитых?
Затишье, само собой, перед боем,
пейзаж, разумеется, после битвы,
и "Life Is Beautiful" делает сборы.

Военная сводка, армейские будни,
колонна на марше, отряд на привале...
Сражение не состоялось как будто,
однако героям вручают медали.

Убедительность хроник – вопрос стиля,
тем паче - преданий, передаваемых устно.
В известном смысле, взятие Бастилии
предмет не истории, а искусства.

Кутузов в Филях, союзники в Ялте,
Ганнибал у заветной цели...
Сражение, якобы, не состоялось,
но бабы, как водится, овдовели.

Карфаген разрушен, Москва сгорела,
на месте Храма торчит Аль Акса...
До битвы давно никому нет дела,
На страницах летописи – жирная клякса.

Татаро – монголо – советское иго,
Конкиста... Армада... Блокада... Осада...
Восстание Шамиля проиграно,
Но вновь Шамиль восстает – Басаев!

История есть разновидность пасьянса:
пасутся в саванне слоны Ганнибала.
А где баталисту помстилась Аль Акса,
топорщится Храм как ни в чем не бывало!

БРОСОК

Камыша шевелящийся строй –
шпаг игрушечных шелест шершавый,
и над нашими головами
бесшабашный подушечный бой.

Перед камерой леса застыв
в неестественных сломанных позах,
изумленно глядим в объектив
и летим сквозь него, словно поезд

сквозь туннель. Перед вами – река,
рыхлый воздух, расшитый цветами,
смех ребенка и смерть старика,
как удачный бросок на татами.

ЗВЕЗДА

Голубая земля, голубая как дым.
Сколько вглубь ни иди – будет грунт голубым.

Голубые пески, голубой известняк,
комья птиц голубых на свинцовых ветвях,

и ушедших давно кристаллических рас
красносиня кровь в мякоть глин запеклась.

В косных рудах сокрыт ослепительный свет,
след неслыханных бурь в толще магм отогрет,

и сияет во мне, и горит надо мной
мир погасшей звезды, мир звезды голубой.

Вера Зубарева

ВЕРА ЗУБАРЕВА – писатель, литературовед и режиссёр, автор 12 книг поэзии, прозы и литературной критики, главный редактор журнала «Гостиная» (<http://www.ulita.net/gostinaya.html>).

Её книги выходят также в переводах.

Вера закончила Одесский Государственный университет, филологическое отделение. В 1989 году Вера эмигрировала в США с семьёй и в настоящее время проживает в Филадельфии. В 1995 году она защитила докторскую диссертацию по теории литературы в Пенсильванском университете, где в настоящее время преподаёт искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах.

Первая книга её стихов, «Аура», вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной (Филадельфия, 1991).

“Сначала я увидела её стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря. И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающей удачу, но оберегающей от суеты, вздора, поспешности. Её стихи – изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве”. (Белла Ахмадулина)

В 2003 году в Швейцарии вышла в свет её книга стихов «Трактат об ангелах» в переводе на немецкий (рисунки Эрнста Неизвестного). Книга была награждена тремя дипломами и премией ТОП КНИГА на международной книжной ярмарке «Зелёная волна».

Вера также является режиссёром-постановщиком и сценаристом. Её фильмы отмечены премиями на кинофестивалях и демонстрируются по американскому телевидению.

Подробнее о Вере Зубаревой можно прочитать на сайте:

<http://www.ulita.net/ulea>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ах, ухватиться б за подол заката
И плыть, и плыть – туда, где не объято
Никем, пространство жмётся на краю
Всего земного, что уму понятно,
И напевает «баюшки-баю».

И на зеркально-синей акварели
Качаются как лодки колыбели,
Плывут как сны туманы вдоль земель,
И лунный свет играет на свирели
И нить судьбы мотает на свирель.

А ночью кроны – как большие крыши.
Под ними заклинается в двестишь
Магическое «баюшки-баю».
Ты слушаешь. Ты спишь. А край всё ближе.
Как ни ложись, проснёшься на краю.

И смешивая сумрак с небесами,
Единый кто-то, множась голосами,
Поёт одно и то же – «не ложись!»,
Но исподволь меняет всё местами.
Очнёшься, вздрогнув. Полоснёт, как пламя...
«Кто это был?» И вдруг прозреешь: жизнь.

* * *

В дождь сильнее привязанность к дому,
Дольше улицы вьются к теплу,
Придается значенье подъему
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке –
По земному размазавшись диску –
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

ВЕНА

Вена ещё далека.
Автобус подъехал к дому.
Каждому – два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремлении рвануть.
Сейчас!..

Посредине чёрной ночи –
Руки поднятые ввысь.
Посредине чёрной ночи –
Кто простись, а кто – молись.
Посредине чёрной ночи
То ли падал, то ли плыл
Дом опустошённый отчий
Сквозь ладоней млечный тыл.
Восклицанье «Вена! Вена!»
Заставало вновь врасплох
И, как скрытая каверна,
Прожигало каждый вдох.

Автобус юлит над обрывом.
Дорога к границе – что к Господу на суд.
По таким неправдоподобным извивам
Лишь ангелы смерти преставленного несут
По его же замирающим мозговым извилинам.
Каждый чувствует себя распиленным
Или расколотым вследствие грандиозной аварии
На левое полушарие
И на правое полушарие.

НЕБО ИТАЛИИ

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя, как фантом,
Меж созвездий, расставленных по новому небу.
Каждый мой последующий шаг
Всё дальше уводит от привычного ориентира,
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.
Закрываю глаза, возвращаю себе небосвод,
Где созвездия – как бесформенные скопления.
Ночью звёзды России не складываются в аккорд,
Коль от каждой отлучают гения.
Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп и обследуй квадрат за квадратом.
Так умерший, проплавав ещё в бытии,
Не поняв, что к чему, не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрёт, потрясённый, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.
Так и я, задрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни не вижу самой вокалистки.

К ВЕНЕЦИИ

Зимний воздух
Работы венецианских мастеров
Переливается в обрамлении кварталов.
Иллюзией двойственности миров
Наполнены кладези каналов –
Там колышется роскошь
Зацветших илом дворцов.
И плещущая о стены прамагерь Хаоса
Сочленяет отражения и объекты,
Как сямских близнецов,
Этажами нижнего яруса.

Гондола со статуэткой гондольера
Покачивается в лужице золота.
Детали собора, где для полноты интерьера
Не хватает только серпа и молота,
Веселятся и утверждают
Собственные каноны.
Спёртые кони и фиктивные колонны
Разрастаются на солнце,
Будто в них подмешали дрожжи.
Над этими водами
Носился Дух Божий!

Венеция,
Ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снись ей,
Как страннику снится кров,
Чтобы не шёл в бездуховном унынье.
Снись,
Вместо вытатуированных снов

На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по латыни
Отчуждается от его родослов...
И когда шлагбаум опускается
Под стать гильотине -
Снись!

* * *

Ночь состоит из ломаных линий
И вспышек комнаты между веками.
Уснёшь и снова в тёмном камине
Кто-то шкрябает сухими ветками,
Волхвует, откатывая дни за днями,
Пока закручиваешь игры с рифмами,
Незаметно продвигаясь к долговой яме,
Где корабль жизни обложен рифами.
Крошки звёзд просыпались в пропасти.
Налетели чёрные птицы-вороны.
Молчаливо склевали горсть за горстью,
И раздул их ветер на четыре стороны.
Посредине мира дыра над бездною.
На вершине мира – кормушка звёздная.
В центре мира – кровать железная
И чьё-то «я», никем не опознанное.
Свечка, зеркало, горстка пепла.
Взмах ресниц – комната, я же.
Скоро утро. Звезда поблекла.
Оставь всё как есть. Спи дальше.

* * *

Ныряет ночь
В узорах и изломах
Под тяжесть раздетых насекомых.
Пан-бархатом обшитое крыло
Дородной бабочки даёт внезапно промах
И возмущённо бьётся о стекло.
Феерии бесщётных светляков,
Что мчатся на огни особняков,
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыпятся на травы и на ёлки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь, в нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зренья, колбы,
Откуда ты, должно быть, приходишь –
Второй судьбы искусственный зародыш.

СТИХИ О ВОЛКЕ

1

Я думаю, ты всё же постучишься:
Ближайшее соседство - за версту,
А вечер погрузил моё жилище
Почти по окна в темень и листву.
Сползает со столба лианой провод,
И в лампе на исходе керосин.
И это ли не долгожданный повод,
Чтоб постучать без видимых причин?

Невесело, запущенно и дико
Мой дом произрастает из земли,
И вытоптана кем-то ежевика,
Которую собрать мы не смогли.
Я слева от чернеющей дорожки
Наткнёшься ты, когда придёшь ко мне,
На скользкое негодное лукошко.
Где ягоды подгнившие на дне.

Тут без труда я приручила волка –
Всё оттого, что сходно с ним живу.
Его глаза - зелёных два осколка –
Пуускай сверкают по ночам во рву.
Хоть изредка скорбно, что не волчица,
Но не ропщу. Что, думаю, с того?
В конце-концов, ведь кто-то постучится –
В твоём обличье он, иль ты – в его.

Уже декабрь. Тверда земля в саду.
Её свело морозами без снега.
Печально, у растений на виду,
Замёрзло детство позднего побега.
Все ночи так привычно холодны.
Что забываю сетовать на холод.
Как забываю многое - и город,
И прежний ракурс ледяной луны.

У маленького низкого окна
Сутулюсь, сжав концы платка локтями.
И мне то ночь безбрежная видна,
То я сама в оконной дряхлой раме.
Там продолжает комната моя
Своё житьё-бытьё полупрозрачно
И тонет в перспективе декабря,
И в ночь произрастает многозначно.
И в отражённый дом помещены
Деревья, ров у сломанной калитки
И тощий волк, что воет вдоль луны,
Претерпевая полнолуныя пытки.
И я сутулюсь посреди дорог,
Озвученных той литургией волчьей.
И в руки, плечи с каждой новой ночью
Врастает серый подранный платок.

3

Да, пишу. Негодная хозяйка,
Я не запасла на зиму дров.
Чаще стынет ручка-наливайка,
Ставя кляксы на начала слов.

В том ли грусть, что буква исказится,
И дрожит чернильная строка?
Ты ещё когда придти решился,
А всё медлишь, будто жизнь - долга.
Что ж ты медлишь! Иль боишься волка.
Что на перепутье двух миров
С первобытным чувством злого долга
Ни на миг не покидает ров?

Волк бродил и бродил по обочине
В поисках человеческих слов.
На снегу следы многоточиями
Огибали гибельный ров.
Не писалось. Листы пустовали
На чёрном дощатом столе.
Первый снег, наконец-то, издали
И слали, и слали к земле.
Ты читал этот снег прошлогодний,
Нам обещанный на год вперёд?
Ах, какие погибли корни
В тот, из снега изъятый год!
Ничего, победила природа,
Хоть слегка повредила в уме.
И какая юродивость всхода
Удивить нас готова к весне?
Что-то я разболелась не в шутку.
Не заводится в печке огонь...
Погоди, не мерещься минутку
И горячечный лоб мой не тронь!..
Я твоя только в мыслях, а в теле –
Тот огонь, что ушёл из печи.
Поскорей бы прижились метели,
Чтоб не слышать - кричи, не кричи.
Отсырели проклятые доски.
Израсходован зло коробок.
Вы сегодня - читатели-тёзки,
Ты и поиском занятый волк.
У, как близко ты ходишь, как внятно,
Как сухой распаляешь мой бред!..
Только снег вами понят превратно,
А листы - это белые пятна
В родословной азов, буки, вед.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

...И лёгкий жук струится по песку,
Как полый шарик с жёсткой оболочкой.
Ряд лежаков - больничною цепочкой
И острый, нагоняющий тоску,
Целебный запах водорослей. Снова
Пришла сюда. И берег не в сезон –
Как мир доисторических времен,
Где никого не посещало Слово,
Где тишиной усилен каждый звук,
И поле зренья занимает жук,
Чьё шумное сыпучее старанье,
Должно быть, слышится
На много миль вокруг.

* * *

Облезлые больные лежаки
Пустыми изголовьями к закату
Поставлены, чтоб демону с руки
Сдирать с уснувших кожу, словно плату,
В июле душном, полном нечистот
И преющих вдоль берега красот –
Огрызков и медуз, разваленных и мутных,
Составивших прибрежный натюрморт.
Покамест же весна. И пляж мой пуст.
На нем лишь я да труженик Прокруст,
Меня не зазывая, не тревожа,
С ведром и кистью обновляет ложа.

МОРЕ

1

Но сколько дней мой замысел о Море
Меня терзал посулами строки!
Он ластился к зелёной, в солнце, шторе
И отступал - усилием руки.
Он отступал. И наступало снова
Взамен виденья - Море: так как есть,
В том первенстве, которым стало Слово,
Сошедшее как вестник и как весть.
Я путалась: "В начале было Море..."
Что было? Море? О, бессонный мозг!
Никто узнать не должен о позоре
И торжестве псевдолавровых розг.

Иду к Нему. Мои худые сети
Любой улов готовы упустить.
Сплетённые в оконченном столетье,
Другие сети просят заменить
Моих сетей дырявую оплошность
На выверенность собственную. Нет!
Претерпевать начну часов дотошность
И бедность коротать в приюте бед.

Сама себе отменная Старуха,
Я буду гнать себя в гремящий шторм
И не жалеть изнеженное ухо,
И требовать всё алчней новых форм.
Сама себе покорный исполнитель
Возьму - в который раз! - худую сеть.
Хоть наперёд предвижу, как гонитель
Мне в благодарность изготовит плеть.

Кто ж будет у разбитого корыта?
Мы оба - глупый нрав и жадный глаз.
А Море - и доступно, и открыто
Любым сетям - само пленяет нас.

2

Напрасно я спешила на свиданье!
Но кто же мог предвидеть, ожидать?
Оно - переменялось, в наказанье
За безмятежно взятую тетрадь.
Натурщик мой безжалостно капризен.
Ещё вчера – кокетлив юн и мил,
Ещё вчера шалил легонько бризом,
Ещё вчера... Да он ли это был?

Торговец-ветер хитростью всегдашней
Товар лицом умело показал.
Я согласилась выкупить вчерашний,
В тунику пен одетый, первый вал.
Он попросил, и я дала задаток:
Две изумруднейших - под стать! - строки.
Натурщик мой - и белопен, и гладок -
Слизнул автограф, изловчась, с руки.

Я в нетерпенье утро подгоняла.
Лукавила с домашними о том,
Что и в глаза не видывала вала
И лишь для них спешу покинуть дом.

Но тщетно притворялась: мой обман
Открылся сразу, только я ступила
На зыбкость ту, что прядала, вихрила
И множилась по влажным берегам.
"Где мой натурщик? За его смарагд
Ещё вчера я заплатила строки!"

Но мне ответил ветер:" Он не раб.
Оставьте ваши тщетные намёки."

Я на домашних подняла глаза
И в гневе не скрывала больше Моря.
Я видела: все были «против», «за» -
Один лишь разжигатель был историй,
Случавшихся со мною невпопад
В извечно роковую неурочность.
Все были злы, как я. Лишь он был рад,
В который раз проверив нас на прочность.

Я прочь пошла. И выходка моя
Мою семью, конечно, не скрепила.
Меня отвергла в этот день семья
И приютила вражеская сила.
В сердцах - её, как большее из зол,
Я выбрала себе на дня остаток.
Она вернула мне покой и стол,
И первый вал, и первых строк задаток.

3

Всё было так. Раскланиваясь чинно,
В костюме дерева, что за моим окном,
Сам ветер - всех вестей первопричина –
Мне подал грамоту закрученным листом.

Итак, я развернула лист поблекший
И прочитала то, что было в нём:
Светлейший август, поутру истекший,
Был заменён - во славу - сентябрём.
На вечер коронацию назначил
Вершитель всех присноблаженных смен,
И я должна присутствовать - иначе
Могу навлечь немилость вечных тем.

Я знаю, чем грозит моя отсрочка.
Мне приглашение это не впервой,
И не впервой застопорится строчка
В отместку за невыход праздный мой.

Идти сегодня к Морю надлежало –
Так явствовало из листа. И в том,
Заверив, что приду, пожалала
Десницу ветра за моим окном.

Придирчиво осматривая бальный
(На языке курортника: "купальный")
Наряд, предугадать пыталась цвет,
Который бы одобрил высший свет
(На языке моём – сакраментальный).
И ровно на закате я была
Доставлена в назначенное место.
И свой уход молчанию стола
Аргументировала зло и веско.

Цвет осени был собран, как нельзя
Изысканно на полосе прибрежной.
И поступью свести с ума грозя,
Свершалось восхождение прилежно.
Сентябрь нёс смущение воды
Как очищение на ложе ночи
И для забвенья все собрал следы
Трёхмесячной курортной порчи.
Из глубины, не ведающей дна,
Выкатывался взгляд колосса-Моря,
Так яро закатившийся от дня
Языческого пляжного раздолья.
И кто сказал, что по воде идти
Умеет и услышал вслед: "не верьте!",
Тот шёл себе, равно как и по тверди,

А крикнувший скучал в небытии.
И каждый след, что был приговорён
Изгладиться из памяти песочной,
Желанием последним обделён,
И помышлять не стал о ставке очной
С его владельцем - где-то на краю
Вселенной моноликой, безымянной
Транжирающим беспечно тень свою
И ритуал забывшим покаяний.
И Море - очевидно, не таясь,
В сентябрь-подростка
Вглядываясь строго.
Уже короновало мощно связь
Неотвратимости и наступленья Бога.

4

И снова Море, испытал покой
Прошедших дней своим непоявленьем,
Ко мне грядёт с морским благословеньем
Как новый слог – торжественный, не мой.
О Море кто б осмелился писать
Обыденным, невосхищённым слогом?
Лишь тот, чьи сотворенье и тетрадь
Не обусловлены судьбой и Богом.
Лишь он, счастливец, не изведав мук,
Опишет Море так, чтоб видел всякий –
Вот волны, вот их гребни, вот их звук,
Вот вся картина с подписью и в лаке.
Но разве это Море? Разве так
Оно вне связей и ассоциаций
Нам явлено? Как символ (но не знак!)
Чуждается искусных аппликаций
Любое представление о нём.
И утешаться будем мы подменой
Того, что было сутью и вселенной,

А нам преподнесли как водоём.
И в этом тот повинен, кто, сердясь.
Мой долгий критикует выход к Морю,
И кто предвидеть не умеет связь,
И с кем строкою каждой здесь я спорю.

А видел ли ты сам, а сам ты был,
Читатель мой, любитель слов – не Слова,
На грани зыбкости былой и новой,
На грани и бессилия, и сил?
А воплощал ли ты в гордыне след
И мнил себя пред Вечностию вечным,
И был ли сокрушаем взглядом встречным
Того, кто Морем был, тобою – нет?
Ты радуешься, думая, что вот
И одержал победу надо мною
И отдохнёшь у столь знакомых вод.
Сойдясь на "ты" с державностью морскою.
Но я спрошу - с чего ты это взял
И по каким неявленным приметам
Ты в новых строках Море отыскал.
Когда писалось вовсе не об этом?
Нет, о себе как раз веду я речь
На языке доступных аллегорий,
Чтоб не смешать и этим - уберечь
Мир сокровенный, наречённый Морем.

ГЛУБИНЫ

*Памяти моего отца,
капитана дальнего плавания,
Кима Беленковича*

К морским глубинам тянется душа.
Там всё знакомо – кривизна пространства,
И копошенье – эхо вечных странствий,
И тьма, откуда жизнь произошла.
К морским глубинам тянется душа.
Туда же осень тянется за летом,
Туда уходит день за новым светом
И мысль за отрицаньем рубежа.
К морским глубинам тянется душа,
Чтоб в голос крови вслушаться взвзвзжку,
Следить, как жизни бродят нараспашку
По кромке неизвестного числа,
И ощущать привязанность нутра
К рассеянному тлению заветов
И расщепленью памятных моментов
На бесконечность краткого вчера.

ОЖИДАНИЕ

Вадиму

1

На досточках, в уютном закутке,
Куда морской не проникает ветер,
И солнце распускается в виске
До переносицы, едва прикроешь веки,
Я возвращаюсь в день последний наш:
Щелчки замков, пустоты в разговоре.
И превращается апрельский пляж
В величественный Берег Моря.

Я ожидаю Вас. Я трачу безрассудно
Подарок неба краткий - быть собой.
Как после смерти, я - корма и судно,
Я целое и часть, я море и прибой.
Ничто меня не сдвинет с мертвой точки –
С несотворимого, как Бог, Нуля.
Он плоть души и воздух оболочки.
Так небом окантована земля.
Я ожидаю Вас как гостя из-за моря,
В той, превосходной, степени надежд,
Что существуют только априори.
Зачем переходить вам их рубеж?
Вы станете, переступив границу,
Конкретным проявленьем бытия,
Тогда как мне уже - не воплотиться.
Лишь изредка наведывать себя...

2

Что значит ожиданье? Цель? Объект?
Движенье мыслей? Направленье действий?
Быть может, синтез слухов и примет
Или анализ всех причин и следствий?
Что, что, как червь, распухший точит ум?
Сажу, прикрыв глаза, - крик чаек, шум
Волны морской... Но безымянный кто-то
Растет, растет, растет во мгле меня
Из моего же бреда и огня.
И ожиданье - на него охота.

3

Солнце рассматривает глубины.
Приникая к поверхности
Почти неподвижного моря.
Облака, потемневшие, точно дельфины,
Подплывают к горизонту
И исчезают вскоре.
Нужно идти. Всё равно не открою
Того, что за сумеречным туманом,
Не перестав ещё быть тобою,
Постепенно становится Океаном.

ОТ-ПУСК

Здесь – как в раю.
Время стоит в зените,
Россыпи света вокруг голов,
Ни единой тени,
Капли воздуха с эликсиром сна...
По его орбите
Совершается вечный круговорот материй.
От земной до небесной тверди – полшага с пирса.
Тело движется со скоростью прямолинейного равномерного.
Душа – никогда. Поэтому ей не спится.
Тело с душой всё равно, что пространство со временем.
То ли небо над морем, то ли море над небом повисло здесь.
Серебро от взлетающих рыб слепит птиц. Им завидуя,
Гребни волн облаками запенились.
Что влилось то и вылилось
На равнину песка там, где дюны взошли пирамидами.
Здесь сильней ностальгия по неразрешённости вечера,
По живому текущему небу, по оползням строчек.
Под зонтом абажура тетрадь обсыхает. До вечного –
Только мыслью подать. Но какой?
Вот вопрос, что сознание точит.
Я смещаюсь туда.
Фиолетовых сумерек выжимка,
Быстрый сон о тебе,
На песке – окаёмка грусти
От волны откатившей, где чайка прошла обиженно.
Вот и всё, что осталось от отпуска длинной рукописи.

ПРОГУЛКА

Идём вдоль берега.
Выталкивает море
Продолговатые блестящие ракушки,
И сын хватает сразу ту и эту,
И третью, и волнуется, что я
Его заставлю вытряхнуть ведёрко
Иль как-нибудь иначе не пойму...
Но я молчу, иду чуть позади
И понимаю - он не придаёт
Значения тем горкам битых мидий,
Которые тускнеют на песке
Поодаль, приоткрыв тугие створки,
И собирают полусонных мух.
Я думаю: как будет удивлён
Ребёнок, собирающий в ведёрко
Дань с перламутрового побережья,
Когда вернувшись, наконец, с прогулки,
Он побежит в свой детский уголок
И вытряхнет чудесные трофеи,
Что превратятся на его глазах
В бессмысленный бесцветный хрупкий мусор.

К РАКУШКЕ

Ты меркнешь и меркнешь у меня на ладони,
Твой перламутр угасает...
Так рассеивается душа.
Чтобы вновь сконцентрироваться
На небосклоне
Как раздумья взрослого
Или фантазии малыша.
Я тебя осязаю.
Это значит - владею тобою:
Структурой и контуром.
Отделившим тебя от Творца.
Так владела любимым лицом.
Но - ни разу! - чертами лица.
Перламутр убывает.
Мне - моё. Бессмертное - морю.
Почему ты уходишь,
Почему заставляешь смотреть,
Как с твоим помрачением
Искажается сущность поступка?
Ты не ракушка больше,
А только пустая скорлупка.
Я как будто взяла,
Чтобы выявить скрытую смерть...

УШНАЯ РАКОВИНА

Ушная раковина -
Отголосок моря.
Знак древности.
Сбой в механизме жизни.
Стремившейся вовнутрь в темнотах вод.
И для чего, когда нарушен код?
Моллюск гигантский, полонивший сушу,
Придумавший себе любовь и душу,
Мучимый жизнью, он не попадёт
В храм раковины тёмной и прохладной.
Всесильный, вездесущий и всеядный,
Он, по сравнению с древними, - урод,
Страдающий меж разделенных створок
И роющий к себе подземный ход
Из века в век на глубине подкорок.

ГАДАНИЕ ПО СТВОРКЕ УХА

По створке уха: Здесь живет моллюск
Непостоянный, любящий браниться,
К тому же убежденный грешник, плюс
Подробностей скабрезных вереница.
Снаружи тот, кто прячется внутри.
И нет внутри того, кто есть снаружи.
К чему к душе взывать, когда, смотри,
Так откровенны и доступны уши –
Изнаночная сторона ума,
Брожение подкорки, интеллекта...
О, если б знал исследуемый некто,
Какие нам открыты закрома!
По лабиринтам раковины - вниз,
К исходному: зачатью, эмбриону.
От случая, который есть каприз,
К абстракции, бессмертию, закону.
И кто подслушал и украл "Сезам!",
Тому откроется без проволочек
Вселенная пропорций, линий, мочек...
Но путь назад он не отыщет сам.

РЕБЁНОК

1

Волшебный светоносный сгусток
В набухших складках зрелой жизни,
Жемчужина в пещерах слизи,
Начало расслоенья суток
На то, что "до" и то, что "после".
"До" обитает кратко в розе
Под сумерки проникшей в дом,
И никаких улик у "после"
Лишь разве – в безмятежной позе...
Но - тсс! Не ведаем о том.

2

Изменчивые правила Игры!
Ребенок-жемчуг, скрытый до поры,
Придет прочесть все тайнописи рода.
Он сам есть ключ божественного кода.
В чертогах плодоносной глубины
Он примеряет облики забытых
Моллюсков, рыб каких-то первобытных,
Меня то ли жизни, то ли сны.
Бесчисленные маски бытия,
Парад-алле глухих палеозоев.
Что там ковчег, набитый тварью, Ноев!
Здесь будущее тешится дитя.
И угодить желая, сбился с ног
От счастья позабывший возраст Бог.

Ребенок, отворивший тихо дверь.
На цыпочках крадущийся вдоль комнат...
Хозяин утренних потемок, он теперь
Изучит всё и навсегда запомнит.
Владеют ночь и утро пополам
Предметами, как нечетом и четом
Игрок, зажавший кубик. И в нечетком
Рассвете стул одной ногою там,
Откуда зеркало и угол родом.
И затаив дыханье, не спеша,
Ладонью неопытной и робкой
Орудует, как математик – скобкой,
Как правым полушарием – душа.
И ауры голубоватый след
Уже на всем, к чему он прикасался.
И вызволены мастер и предмет
Из некогда двумерного пространства.

ПЛЯЖ

По пляжу гуляли
Толстые старухи,
Босые ступни мяли
Пластилиновый асфальт.
В железных урнах
Грызли сладости
Раскалённые мухи,
И сочно разносился
Их жужжащий алыт.
На пирсе
Сидела, свесив ноги,
Девушка.
Волосы играли
Отблеском воды.
Мужчина
Наклонился
И подарил цветы.
Девушка бросила цветы на волну,
Соскользнула в воду и ушла ко дну.

Продававшая липучки цыганка-гадалка
Сказала: "Не видишь? Это русалка."
Старухи подбрасывали
Солнце животами
И липкими ртами
Смеялись
Над цветами.

СТАРУХИ

Старухи вклиниваются в день
Подбородками и носами твердыми от старости.
Солнце выхватывает фрагменты их лиц,
Покрытых корой с глубокими трещинами.
Велосипедисты со звоном,
Как просыпанные монеты,
Катятся по улицам.
Дети падают,
Потому что они привыкли летать
До того, как спустились в свои дома.
Старухи их терпеливо учат,
Что надо делать, чтоб забыть о полетах.
Старухи пустили глубокие корни,
Они не падают, а уходят в землю,
И глаза их все больше теряют зренье
Оттого что земля не впускает свет,
А старухи глядят всегда в глубину.
Дети еще ничего не знают.
Они трогают лица старух руками,
А потом убегают, смеются и падают,
И плачут, и не знают, почему им никак
Не удастся подняться
В воздух, синий и теплый, и легкий.
И старухи тогда подают им руки.

ОДИНОЧЕСТВО

1

Оно могло бы прослыть изящным.
Если б не выступающие лопатки.
Если б не ямка между ключицами
И некоторые повадки.
Свойственные сухопарым:
Во-первых, это ярко выраженный сноб.
Во-вторых, известная страсть к мемуарам.
В-третьих, предпочитает, чтоб
Ему представлялись,
И с предварительной рекомендацией.
Оно обладает своеобразной грацией,
И за это
Более или менее удачно воспето
Кем-то,
Кому не хочется писать старым
Испытанным ямбом.
Кому не удаётся гладкий
Хорей, у кого выступающие лопатки,
Отвратительные ключицы
И такие же повадки,
Свойственные сухопарым.

2

Подробности нашей встречи таковы.
Я поздно засыпала недели две,
И на столе отпечаталась
Тень от моей головы.
Как траур по голове.
Комната стала тесней вопреки тому,
Что высвободились часть шкафа
И полдивана,

Будто бы половина её провалилась во тьму
Или поглотилась с вещами
Пастью твоего чемодана.
Одиночество же
Погладило меня по волосам
И поправило сползшую в пропасть простыню.
И, надеюсь, догадываешься сам,
Что я ответила на вопрос: "Не стесню?"

3

Одиночество анализирует любые поступки.
Даже совершённые умершим век назад.
Так детально изучает пробирки и трубки
Закопавшийся в микромире психопат.
Смысл отыскивается в каждом слове.
Однажды оброненном на сервис,
И смешивается с фантазией,
Точно группа крови
Убиенных крыс.
Жизнь Одиночества -
Не тайна, покрытая мраком,
А только мрак.
И знававший его – боится,
Как встречи с маньяком
Маньяк.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО СНЕ

Явь иллюстрирует картины будущего сна.
Сон иллюстрирует картины будущей яви.
Отрицать что-либо одно –
Что вставить линзы в рамы окна
И носить воздух в роговой оправе.

Явь и сон -
Пересыпание в песочных часах песка,
Перемещение "верха" и "низа"
В их приталенной колбе.
Так выглядит дом,
В основании которого река,
И единица, выраженная в дроби.
Так сосуществуют идея
И её материализованный фантом,
Полиндромон и его смысловая неувязка,
Три моих "я",
Расчленённые временным пластом,
И единая посмертная маска.

СМЕРТЬ

Смерть присела на лавочку возле калитки.
Вечерело.
Гуси, как со старинной открытки,
Слонялись без дела.
Вдали, раздавая коврам затрешины
По-лилипутски бодро,
Переговаривались женщины,
Выплёскивая напёрстки-вёдра.

Торжественно заколыхалось стадо
Десятикратным повторением вымени,
Будто зрителями парада
Этих Ио-Исид были римляне.
Щедро шлёпались на землю лепёшки
Под выразительное "му-у!",
И пугались гуси, будто понарошке,
Отступая к забору, каждый - к своему.

В печи расталкивали хлебное тело дрожжи,
Переваливались через трубу
Прямо туда, где деревенский Боже
Выпятил нижнюю губу.

Невозмогу было старому коню.
Зажёгся свет. Вышел мужик из хаты.
Окинул двор, запустив пятерню
В затылок и без того кудлатый.
Плыли тестовидные облака,
Смешиваясь с хлебными парами.
Конь повернул голову в сторону мужика
И зашевелил ноздрями.
Мужик буркнул хмуро: "Не трусь!",
Впервые пообщавшись со скотиной.
Загоготал ошарашенный гусь,

Должно быть, под хворостиной.
Мужик постоял и вернулся в дом,
Пробормотав смущённое "что ты?".
Смерть встала с лавочки
и, не оборачиваясь: «Пойдём.
Время охоты.»

РИМ

«Слава –это сооружение,
Требующее знания ритуала.
Все равно, что соотношение
Между голосом и акустикой зала.
Акустика – та магическая гравитация,
Что оставляет голосу степени свободы.
Так герой и окружающая его нация
Суть звук,
Резонирующий в исторические своды», -
Говорил тоном Клавдия Тиберия
Бюст, скучающий на пустой аллее.
К вечеру нарастала империя
На останки, что еще не истлели.
Раб,
Которому выпало бремя освобожденья,
Горевал о неясном завтра.
Слегка окровавив ступени,
Падало солнце в колодезь амфитеатра.

АПЕЛЬСИН

1

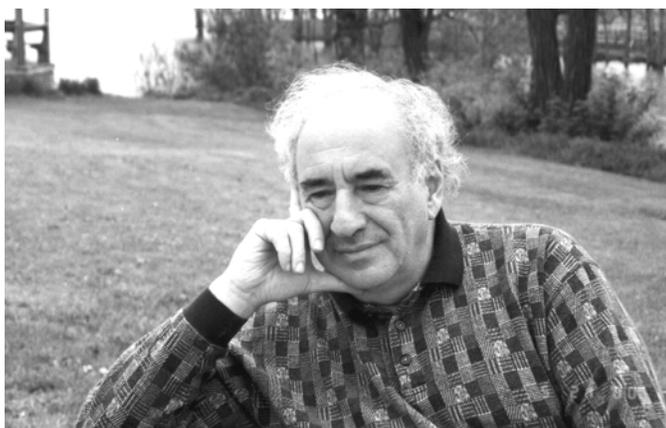
Солнце, покачивающееся
На подоконнике моего этажа,
Отгороженное стеклом от космоса.
Вокруг него сосредоточена моя душа
И начальные строки опуса.
Бог мироздания апельсин,
Излучающий оранжевые ароматы!
По твоей вине мы все, как один, -
Ренегаты.
Переметнувшись от яблока, ратуем за твою
Апельсиноцентрическую диктатуру.
Все приятно в апельсинном раю –
И бриться, и предаваться амуру.
Чужестранный завоеватель
Авитаминозных мест,
Идеальная эмблема славы,
Твой запах крамольней, чем манифест
Грассирующей державы.

2

Апельсин, благоухающий высоко
В эмпирейских оранжереях,
Придавший Эдему стиль рококо
И обретший берег
После мытарств по вороватым весам
И дешевым ночлежкам-тарам.
Все равно сохраняешь свой сан
И явлен оранжево-ярим
И одновременно невозмутимым,
Как поза Будды,
Воплощающая изображение мысли
В её совершенстве, а не труды
Прохождения от мозга к кисти.
Форма, переполняющая самоё себя,
Перетекающая в доли и волокна,
Завораживающая меня
И местечкового воробья,
С любопытством заглядывающего в окна.

УЛИТКА

Философия дома
Затаившаяся улитка,
Я знаю, ты там, внутри,
Словно тайнопись в спирали свитка,
Которую читали египетские цари.
Самодовлеющая система. Так небожитель
Неотделим от неба, как от раковины – ты.
Так облако не покидает свою обитель,
Выплывая из сферы абсолютной чистоты.
А наблюдатель неба или вызыватель улиток
Утилитарен в размышлениях
О происхождении форм.
И сколько бы природа
Ни давала ему попыток,
Он придумает самолёт
И расковыряет улиточный дом.
Но самый порочный из всех обитателей мира
Тот, который сейчас лежит на траве,
Не тревожит улитки и не гонит сатира,
И не придумывает способа,
Как приблизиться к синеве.
Он лежит на траве,
Подперев подбородок ладонью,
Наблюдая пространства неземной кривизны.
Собираются ветви в пучок и свиваются к корню,
Кувыркаются боги,
Расцветают улитки, как сны.
Всё ему нипочём,
Хоть его объяви вне закона
И публично гони, и устрой вокруг полигон,
Будет так же лежать
В центре вечности и полигона,
Усадив подбородок
На ладони бутоновый трон.

Борис Кушнер

БОРИС КУШНЕР – известный математик, поэт, переводчик, эссеист и публицист. С 1989 г. живёт в США. Профессор математики Питтсбургского Университета. Многим памятно его «Открытое Письмо Шафаревичу», опубликованное в советском самиздате, а также в Израиле, Германии и США. Стихи, переводы и эссе Бориса Кушнера публиковались в Израиле, США, Германии, Италии, России, Украине, Казахстане и Белоруссии. Его творчество было предметом специальных программ радиостанций и телевидения в Израиле и США. Получили известность и неоднократно публиковались большие эссе «В защиту Антонио Сальери», «Одна, но пламенная страсть» (полемика с И.Р. Шафаревичем), «Больше, чем ответ» (полемика с А.И. Солженицыным), «Учитель» (к столетию со дня рождения А. А. Маркова, мл). В последнее время ряд произведений Бориса Кушнера был опубликован в сетевых журналах «Записки по еврейской истории» и «Еврейская старина» <http://berkovich-zametki.com/>. Борис Кушнер автор многочисленных математических работ, включая монографию, и шести книг стихов. Член международного Пен-Клуба и Союза писателей Москвы.

«Уникальность поэзии Бориса Кушнера в том, что всё живое для него – это одна большая Симфония. Никогда и ничем не прерываемая. Тишина тоже звучит. Многозначительно звучит. Ибо самим смыслом повествования, да и удивляющей нас системой соотношения причудливых ассонансов Кушнер создаёт особую атмосферу напряжённого вслушивания, сладостного ожидания звука, – звука-события... Его удивительные книги – «Причина печали», «Бессонница солнца», «Иней времени», «Эхо эпохи», «Причал вечности» – своего рода история музыки, которую, – ей же Б-гу, – можно с успехом изучать по стихам поэта, закрыв, как говорится, традиционные учебники.

И вряд ли ещё найдутся такие книги, где вереница контрастных композиторских стилей, детали драматургии построения музыки, её формы, те или иные особенности её жанрового наклонения, интонационной лексики, даже простые агогические или темповые штрихи, становясь объектом внимания поэта, превращались бы в подлинно художественные творения»

(Вл. Зак, доктор искусствоведения, Москва – Нью-Йорк)

**Светлой памяти Леонида Руховца
7 июня 1930 г. – 13 апреля 2008 г.**

МОЦАРТ

Свеча на столе – в терпком тепле,
В стиркой и кухней пропитанном доме,
Дети сопят в предрассветной истоме –
Реквием мой не дописан вполне...

Воздух предсмертным движеньем пронизан,
Реквием мой ещё не дописан,
Звуки ещё не нашли письма –
Спор продолжают Смерть и Она...

Реквием, Реквием – пёстрые реки,
Звонкие ссоры, ребяческий визг,
Жёлтое солнце смеётся из брызг...
Ночь уползает с упорством калеки,
Дети вздыхают и стонут во сне –
Реквием мой не дописан вполне...

Реквием, Реквием – вдруг и навеки,
Реквием, Реквием – руки на веки,
Пальцы твои пробегут вдоль ресниц,
Чёрною тенью опустишься ниц...

Ночь уползёт с поднебесной арены,
Снова на дымные улицы Вены
Выплеснет свет на могучей волне –
Реквием мой не написан вполне...

* * *

Я предал не страну, но дом
С его вполне нелепым бытом –
На этом корабле разбитом
Я был неважным моряком...
Я предал не страну, но дом, –
Он тонет, маленький «Титаник»,
В наплывах музыки и паник
И воду черпает бортом...
Я предал не страну, но дом
С его вечерними огнями
И запоздалыми друзьями,
Когда вокруг всё кувырком...
Я предал не страну, но дом,
Его уютные просторы
И ссоры и ночные споры,
На кухне утренний содом –
Я предал не страну, но дом,
И осень с долгими ветрами,
Упругость стёкол в старой раме,
Проспект, что скован первым льдом...
Я предал не страну, но дом,
И видно я не мог иначе –
Так о ненужной больше кляче
Заплачет вдруг цыган тайком,
И проглотить не сможет ком
Доселе неизвестной муки –
И, правда, – как разнять нам руки,
Когда извечный друг разлуки
Стоит предательство кругом? –
Я предал не страну, но дом...

ВАРИАЦИЯ-8

Она ворвалась в клубах пара,
За нею рвался птичий гам –
Внезапно, как ожог бекара
В потоке ре-минорных гамм.
Она сияла снежной пылью
Своих немислимых ресниц
И пылкой тягой к разностилю
Вне общепризнанных границ.
Я сразу сплёл узоры вздора,
Взорвался разноцветьем тем,
Но в строгом хладе ре-минора
Уже звучал мой Реквием.
О чем измерить в полной мере
Всю зависть Моцарта, когда
Богиня предпочла Сальери... –
А, впрочем, в этом ли беда?
Беда не в том, что выбор странен,
Что красота стремится вниз,
Не в том, что в полумраке спален
Венеру жаждет Адонис.
Беда не в тяжести удара,
Не в том, что в мире мы одни...
Беда – в наличие бекара,
Который женщине сродни.

ВАРИАЦИЯ-300

Л.К.

Всё просто и непостижимо,
Как утро, ночь, закат, восход... –
Как Смерть, которой подлежим мы
В урочный час, в урочный год...

И наше действие любое
Непостижимо, но не зря –
Как это небо голубое
В хрустальной раме Сентября...

СОНЕТ

Год угасает. Сумерки богов. –
Но пагодные крыши в белых шляпах
Упорно расточают мирный запах
Печей, каминов, топок, очагов.
И в свежем снеге сочный хруст шагов
Несовместим с космическим событьем,
С колоколами, Смерти ненасытьем,
Несокрушимым шествием веков.

Но Жизнь и в уязвимости права,
Отвергнув бесконечность Реквиема. –
И я пишу – слова, слова, слова... –
Пусть плоть – трава, зато бессмертна тема,
Что мир – Любовь, и что Любовь жива
В простых делах изгнанников Эдема.

ВАРИАЦИЯ 2-35 (РОМАНС)

По лесам облетала листва,
А лечить? – Ни на грош айболитства.
Осень в пепел. Зимы торжества.
В чёрном небе алмазна Каллисто.
А дорога за временем мглиста,
И мгновений шуршит береста,
И читает рапсодии Листа
Неуёмное сердце с листа.

* * *

Чем проще радость, тем полнее –
Потопом синь в окна проём... –
Наедине остаться с нею,
Молчать вдвоём.
Молчать, но обо всём на свете
Вести безмолвный разговор –
Пусть старость расставляет сети,
Пусть крепнет реквиемный хор.
И пусть видение могилы,
И луч звезды скользит по ней. –
Чем больше убывают силы,
Тем выше нежность и полней.

СОНЕТ

Мгновенья – слаще нет полона,
И в каждом – собственный напев. –
И Вольфганг – лира Аполлона,
И Людвиг – милосердья лев.
Творенья Чудо невесомо,
Но как кружится голова! –
И мир переполняет слово,
Созвучные Душе слова.
И пусть уносят нас мгновенья
Туда, где споры решены. –
О, нежной музыки волненье
На океане тишины...

Вот так плыву под Песню эту,
И мой ручей впадает в Лету.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Кошмаром снам, мечтою чащам
Вставало Солнце подлежащим.
Луча взъерошенный глагол
Поджѐг верхушек частокол,
И в миг по вышивке рассвета –
Все прилагательные цвета.
По небу – синяя вода...
Пропела птица: «где, когда?»
В ответ – поток летучих счастлих
Из обстоятельств и причастий,
Все части речи, что слились
В одну законченную мысль.
Как вздох, как глины обожженье
Сложилось утро в предложенье.

ВАРИАЦИЯ 3-50

На тьму наложено вето –
Света.
Теперь никаких теней!
Приходит Время Завета,
Наступление Дней.
И тьмы бесполезны уловки,
О, как злодеи слепы!
Повсюду звон перековки
Мечей в орала, в серпы.
Веселье под Любящим Оком, –
Имеющий Душу, внемли!
Осанна, Еврейским Пророкам,
Спасителям Звёзд и Земли.

* * *

А.

В острой жажде равновесья
Стонут струнами стволы... –
Поднебесье, поднебесье!
Запах ветра и смолы...
С чёрных сучьев-поперечин
Реки листьев – лета сок...
Лес и в смерти бесконечен,
Упоительно высок...
Небо отдано Икару,
В росчерках его пера...
Ветер мучит лес-гитару
От утра и до утра...

И на ледяном рассвете,
Где-то за оградой крыш
Слушаешь Ты песни эти
И не спишь, не спишь, не спишь...

КОНТРАПУНКТ

Но ливни память иссекут,
И в том когда-то –
Под неустроенность секунд –
Токката.
Колодец гулкий за окном,
Дрожит фрамуга... –
И птичий крик, обвитый сном, –
Рассвета fuga...
Шаги, как тайны Берейшит,
Самумы, вьюги...
Семь Дней Создатель
Завершит
Обвалом Фуги...
Но малярщина желтизна,
Лучей обмылки...
Той первой фуги новизна
Звенит в затылке...
Соединенья голосов,
Противоречья.
Душа закрыта на засов
У бессердечья...
Но всё же, корку разломив,
Отыщем соус. –
Ах, этот бесприютный миф, –
Любовь и Совесть...
Обрыв испуганных окон,
Тайн развенчанье...
Уже не fuga, а канон.
Без окончанья.

OBITER DICTUM

Ты шепнула мимоходом, –
Я едва успел вздохнуть... –
«Жду Тебя за Дальним Бродом,
Там, где тонок Млечный Путь»...

Шереметьево гудело
В круглосуточном бреду... –
Ты едва шепнуть успела –
«Я за Дальним Бродом жду»...

Солнце – каплею опала,
А над ним – аэроплан... –
Ты исчезла, Ты пропала
В черноте зазвёздных стран...

Но с тех пор я спать не в силах, –
Жду, когда придёт черёд
Где-то в звёздных Фермопилах
Пересечь Твой Дальний Брод...

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА РУХОВЦА

Закат – янтарная брошь...
Жаль мне до дрожи –
Май был безумно хорош –
Друг не увидел, не дожил...

* * *

И снова ветер по кругам,
И звёзды прежние на круги,
И тот же дождь, и те же вьюги,
И по рассветам – тот же гам.
Скрипач, смычок и та же гамма,
Баллада та же и сонет.
И тот же холст, и та же рама –
Да только нас на свете нет.

ВАРИАЦИЯ 4-3

Скачи, Пегас! Сверкай верстами!
Сквозь тучи пенную главу!
Так ураган ревет листьями,
Ломает сосны, гнет траву.
О, гордый конь, что рвет упряжки,
Как лев собачий карабин! –
Мы с чёртом пьем из общей фляжки
Кипящий, огненный рубин.
Не сладкозвучные аккорды,
Не парфюмерия Гуно –
Но ввысь! – заоблачны фиорды,
В которых Слово нам дано.
Пусть мачты сломаны у брига,
Пусть ночи в росчерках комет –
Так черпай свет в Концерте Грига,
Рождайся, солнечный Сонет!

ВАРИАЦИЯ 4-6

Не фея, что цветок лелеет,
И не русалка, что гола –
Хрипит в оркестре офиклеид
Самой судьбой из-за угла.
Он из гранитного запаса,
Весь многотонье – каждый грамм, –
Необходим фундамент баса,
Чтоб Музыке воздвигнуть Храм.
Изгибы медного питона,
Удава в клапанах бросок –
Он возвещает низость тона
И этой низостью высок.

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ВАРШАВЕ

Вдоль кладбища гремел трамвай,
Неподалёку стыла стела. –
Прохожих бег – им, что за дело,
Кто землю грыз, кто каравай.
Уже не отличить могил
От листопадных вен дорожек,
И неба мыльный ил не мил –
Смерть. Милосердья ни на грошик.
Я жил. На мутных волнах дня
Плыла Варшава серым гробом,
И отблеск Вечного Огня
Грозил арктическим ознобом.
Я жил. Я молча бил в набат.
Колокола взхлѐб от боли. –
Конечно, грешен, виноват. –
.....
За что, мой Б-же, и доколе?

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Татьяне Кузовлевой

На человеческом вече
Раздоры и галдёж. –
Апрель. Не речи – свечи,
Весенний чистый дождь.
Растёт трава обильно
По шрамам наших рвов,
И тишина могильна
Исчезнувших миров.
И нас самих уносит
Безмолвная Река –
Куда, в какую Осень? –
Не скажут берега.
Людская злоба зверья,
И безразличья сонь –
Звезда в ночи безверья –
Сочувствия ладонь.
И нам защитней крова,
Теплее очага
Бесхитrostное слово,
Как вздох издалека.
Молебна в Ватикане,
И Вечного Огня
Твоя свеча в стакане
Дороже для меня.

* * *

Синь занедужила слюдой,
Гроза нависла над закатом,
А в пальцах – Соловьёв-Седой,
И соловьи поют солдатам.
И вдруг преемственность ясна –
Бурли, Рахманинов, прелюдом! –
И на войне была весна,
С колоколами, сердца гудом.
Но не нарушат сон солдат
Любые громы и набаты –
Под колыбельный шелест дат
Без сновидений спят солдаты.
Могил заброшенных уют,
Их даже взгляд не потревожит. –
Но слышат мёртвые, быть может,
Как в мае соловьи поют...

* * *

Вот уже и осень за углом,
Призраки распада в небе голом, –
И звучит Печаль моим глаголом,
Что ещё вчера звенел щеглом.
Щёголь-клён пока во всём зелёном,
Но уже желтеет тленья нить –
Миг вздохнёт, и этим гордым клёнам
Лето вместе с нами хоронить.
Не подставить времени ладони,
Бесполезны шёпоты имён –
Мчатся дни, как огненные кони,
И уносят за черту времён.

* * *

Мне снились бабушкины ноты –
Как сладко пах иссохший клей! –
Скарлатти, Моцарт, «Гугеноты»,
Романсы дач и бакалей...
Жужжащий шмель с его полётом,
И утро в инее седом –
Под самодельным переплётом
Нашли себе очаг и дом.
Крошились по углам страницы,
И жёлты были и стары,
Как фотографии из Ниццы
Моих прадедушек поры...

* * *

Давно не эпиталаму
Пою. –
Всё вспоминаю Маму
Мою.
И долгими вечерами,
Что свойственны октябрю,
На траур в оконной раме
Смотрю.
И с валидолом за-щеку,
Лишь стихнет ковчег-мешок,
Часы достаю из ящичка –
Надорванный ремешок.
И в темноте творожной,
Где старый стол, как редут,
Я их завожу осторожно,
И слушаю, как идут.
Вот так вдвоём и молчим мы,
Но времени связь жива,
Хоть стрелки неразличимы

Сквозь трещины-кружева.
Гляжу в законную сажу
На тусклый фонарь вдалеке –
Часы неказистые глажу,
Что были ей по руке...

ВАРИАЦИЯ 4-90 (*DEUS EX MACHINA*)

Кружит, взлетает Терпсихора,
Молчат дельфийские жрецы. –
За сценой заклинанья Хора:
Беда, герои-гордецы!
Богиня – пламя рук и взора,
Как неба ярость велика!
И катит яблоко раздора –
Через века.
Ах, эти яблочные страсти, –
Елена, Ева – не одно ль? –
Мы – пленники Верховной Власти,
Она низводит мудрость в ноль.
Что наши годы? Просто шалость,
Игра теней и облаков. –
А было время, – всё решалось
Прямым вмешательством богов.

* * *

Чернеет Лега под веслом,
И фосфором с весла струится, –
Не пробуй память на излом, –
Смотри, кружит забвенья птица.
Её могучие крыла
Размахом Солнце заслонили. –
Низовья. Лодка вязнет в иле. –
А как по юности плыла!

К 60-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСВЕНЦИМА
(АУШВИЦА)

Толпиться Порше и Бенцам
По дорогам в Освенцим.
Поля мёртвых щёк белей. –
Юбилей.

А над Аушвицем
Зимняя голубизна –
Раздолье кружиться птицам
И скоро грянет весна.
И флаги трепещут, рея,
Речей поминальных сироп...
И вновь распинают Еврея
Под аплодисменты Европ.
Но в музыке птичьих арий,
Летающих в бездонную синь,
Я слышу: «Живи, Израиль,
Во веки веков. Аминь».

15 НИСАНА 5765

Над грохотом смрадного ада,
Как встарь преломить опреснок –
Дари нам, лоза винограда,
Свободы целительный сок!
О, ночь! Сердце – плачам и одам,
И рваться душе из оков –
Ты избран Священным Народом,
Израиль, во веки веков.
Небесною Истиной правы,
Отвергнуты мы на земле –
И скорбные, горькие травы
Сегодня на нашем столе.
Зови же, пока не охрип ты,
Единого Б-га зови –

Египты, Египты, Египты
На наших костях, на крови.
И всё же Творца мы узреем –
Так чувствует Солнце птенец –
За счастье родиться евреем
Бокал наш, Небесный Отец!

ПАМЯТИ КАТАЛИН БАЛЛА

Бессильны бледные слова.
Печали час на птичьем вече.
В росе могильная трава. –
Прости и жди меня. До встречи.
Там за чертой границ, судеб
Всё примирит Отец Небесный,
И мы разделим кров и хлеб,
И музыку алмазной бездны.

* * *

Найти письмо – как в сердце выстрел.
Не от Эраста та стрельба. –
О стрелы выцветших эпистол,
Моя умершая судьба...

ВАРИАЦИЯ 5-16

Нас зазывали коммунисты:
«Очнись, восстань на царство зла»!
Мы встали: блещет путь кремнистый, –
Подковы, искра, прах, зола.
И вправду: не швыряй камнями
Под кровами стеклянных крыш. –
Из искры возгорится пламя, –
И в этом пламени сгоришь.

* * *

Елене Минкиной

Зонт, как небо, огромен, –
Укроюсь – пусть небо в громе.
Укроюсь – пусть небо в крови,
Небо в крови.
Есть свет и надежда в крове –
Тем слаще, чем время суровой, –
Беснуйся, буря, реви!
Иду размеренным шагом
Сквозь вой децибел –
Под нашим еврейским флагом –
Поскольку зонт сине-бел.
Но ветер в напор и в ярость –
Свинец руки по плечу:
«А что, если дуну в твой парус?» –
«Ну что ж... Улечу».

ВАРИАЦИЯ 5-20

Памяти Арона Каценелинбойгена

Узоры облачных вязаний,
Их кружева – за нитью нить... –
Отвергнуть горечь многих знаний –
Не знать, не ведать и не быть.
И в том небытия забытье
Читать судьбу – за знаком знак,
Покуда ножницы над нитью,
Сверкая, предвещают мрак.
А я – ну что ж... – *Dum spiro, spero* –
Гляжу в межоблачную синь,
И каждый миг – за меру мера
Снегов, оазисов, пустынь...
Бездонной сини оборона

От энтропий со всех сторон –
За ней – ни ночи, ни Харона,
И неизвестен Ахерон.

* * *

Года, что как быки упрямы.
Чернеет Стикс. Харон. Причал.
А образы Прекрасной Дамы
Черты приобретают Мамы,
Печаль Начала из Начал.

ВАРИАЦИЯ 5-21

Михаилу Ромму

Зудит критическая проза:
«Он виртуоз и, значит, пуст».
А мне – по сердцу *furioso* –
На кобру – молнией – мангуст!
Пусть говорят, что Тальберг – поза,
С линейкой к Листу? Сгинь, Прокруст!
Пассажей нежность и угроза –
Горит, но не сгорает Куст. –
.....
Так упоенье виртуоза –
Послание нездешних Уст.

* * *

Неизбежность отторгая,
Наваждений злую рать –
Будь бессмертной, Дорогая,
Нет, не вздумай умирать!
Если ж час пробьёт – мегере
От ворот да поворот! –

.....

Или хоть, по крайней мере,
Пропусти меня вперёд.

* * *

Вере Зубаревой

И снова всем свинцовым весом –
Не отшептаться – «Ну и что ж?» –
И эти облака над лесом,
И затаившийся в них дождь.
В нём ни границ, ни окончаний,
Лишь иней-память, а по ней
Ожоги чаяний и мчаний
Минувших огненных коней.
Корвет мой бури раскачали,
Позеленела пушек медь... –
Проходит всё, и лишь Печали
Не потускнеть, не умереть...
Она была с Творцом в начале
И у Синайского костра... –
Заплачь со мной Печаль Печали,
Любви и Муза, и сестра.

* * *

Отринуть все соблазны мира
Во имя Музы сладких грёз... –
Не сотвори себе кумира
Из старых рифм, из давних слёз...

* * *

Мефисто – в сто чертей виват!
Но пусть засохнет кровь чернильниц –
Он мне не друг, не брат, не сват
И даже не однофамилец.
И не припомню, чтоб в ночи
Мы договор с ним заключали.
А на заре? Молчи, молчи... –
Что не подпишешь от печали...

* * *

Ноябрь был необычно светел,
И, приняв осень на постой,
Он будто сразу в зиму метил
Со всей шуршащею листвою.
Забыв про пору обнаженья,
Он синевой благоухал,
И презирал самосожженье,
И возводил свой Тадж-Махал.
Как славно было, Б-же правый! –
Я плыл песчинкой меж громад,
И голову кружили травы
И тленья сладкий аромат.

СИБЕЛИУС

Эле Киуру и Виталию Кауфману

Оркестра ледяной поток, –
Здесь сразу Север и Восток
В сплетении угрюмом. –
Россию не понять умом –
Сплошным кровавятся пятном
Шинели, вмерзшие по дюнам.
А в небе скрипка, смерть поправ,
Поёт – тоска безмерна –
Про непреклонный финский нрав,
Про стойкость Маннергейма.

* * *

Я совершаю самосуд –
В костёр мои сонеты! –
Пусть нас в безвестность унесут
Седые воды Леты.
Перо – опасная игра
Со страстью в темпе *Presto*, –
Смотри, растёт вины гора
Повыше Эвереста.
Обыкновенное тепло
В конечном счёте, выше:
Сквозь запотевшее стекло
Смотреть вдвоём на крыши.

* * *

Аэроплан был бешен –
Огромная оса,
Как ферзь, сквозь стаи пешек
Вонзалась в небеса.
«Ты плачешь? – Слёзы вытри,
Здесь слишком ярк свет. –
Мы заперты в цилиндре,
Но нас небесней нет.
В тебе гордыни пламя? –
Очнись, – попутал бес... –
Г-дь вздохнёт над нами
И след сотрёт с небес»...

* * *

А сегодня всё сверкало,
А сегодня коням мчаться,
Лёд в слезах сползает с веток,
И жемчужен поля плед.
Пью шампанским из бокала –
В дрожи до последних клеток –
Это солнечное счастье,
Этот чистый, льдистый свет.

* * *

И шёпотом из-за черты
Не-счастье нашей не-четы,
Не-встречи, не-соединенья... –
И что ж теперь? –
Пространства пенье,
И эхом полнится оно –
Не суждено,
Не суждено....

* * *

Утрата зрения и слуха,
Безмозглость – тяжелей всех нош. –
В Европе – век томленья духа,
Меж тем уже у горла нож.

* * *

Очарованье словарей,
Их папиросные страницы –
Слова-щеглы, слова-синицы,
Слова, что стаи журавлей.
Слова, слова... Святое братство.
Язык и нежен, и колюч. –
В ларце – всеобщее богатство,
Но лишь жрецам дарован ключ.

* * *

Под окнами был юный лес,
Что по плечо – не до небес,
Под птичьи небыли и были
Мы на него смотреть любили,
И ждали ласковых чудес. –
За мартом март в зелёной пыли
И хоть на ветках ни листа,
Но что за свежесть в акварели! –
И сердце рвётся неспроста... –
.....
Лес незаметно подрастал,
А мы старели и старели...

ПАМЯТИ...

Как это было в *том* апреле? –
Трава, нарциссов огоньки?
И звёзды первые горели
С Луною наперегонки? –
Судьба была слепа и люта,
Тянулась щупальцами спрута,
И танками терзала плоть,
И Чуда не явил Г-дь,
Могучей не простёр Десницы,
Не оградил, не охранил,
И фараона колесницы
Текли, как в половодье Нил.
Качанья касок, марши пугал,
И лязгом гусеничным бес, –
Свинцовый дождь в еврейский угол,
Не манна, пепел пал с небес.
В Варшаве светлый праздник Пасхи,
Костёлы и колокола, –
Что из того, что смерть без маски
Простёрла чёрные крыла?
К чему считать чужие раны –
Блаженна мраморная стынь... –
О, как торжественны органы,
О, как божественна латынь!
А смерть? Не здесь пока что, где-то. –
Там, за стеной. На то и гетто.
Молись и вытри пот со лба –
Не по тебе пока стрельба.
И всё ж, *memento*, ах *memento*...
Горит огонь у монумента,
Где вы легли – к плечу плечом.
Судьба была слепа и люта –
Молчанье? Что ж, одна минута,
И снова жизнь кипит ключом.

Но если б Б-жьим Чудом встали,
Благословили бы апрель –
Ручьи, улыбки, звоны стали,
Органы, скрипки и свирель.

* * *

Не печалуйся, ах, не печалься –
Это всё-таки было с нами, –
И забытые отзвуки вальса
На заре возвращаются снами. –
Эти рифмы, метафоры, метры,
Песнопения мартам, апрелям,
Эти майские грозы и ветры
По берёзам, азалиям, елям.
Не печалься – в осеннюю пору
Дай мне руку в краю увяданья, –
Мы уходим за реку, за гору
В нашу музыку, слёзы, преданья...

* * *

До излёта взора
Чайки над водой,
Солнце ре-мажора,
Моцарт молодой.
Над волненьем рощи
Пенные поля –
В небесах Настройщик
Тихо тронул «ля»...

22-е ИЮНЯ

Заснешь предутренней порою, –
В поту проснёшься на заре... –
Рассвет. Июнь. Двадцать второе.
Кровавый шрам в календаре.

* * *

Наташе

Лучи – сатиры Архилоха –
В тени последний лёд язвят.
Зиме сегодня архиплохо,
Ей каждый миг – смертельный яд.
Глухое время ледостава
Сменяет паводков пора, –
И что ни вздох, то Солнцу слава!
Гряди, блаженная жара!
Ручьями из чистой ртути –
Исходят чёрные снега,
Оркестры марта – *forte, tutti*,
И рекам тесны берега.
Зарёю птичьей дифирамбы
Сродни разливам этих рек.
И мы изобретаем ямбы,
Как некогда великий грек.

* * *

Кислород, огни, каталка,
Бесконечный коридор... –
Не ромашка, не фиалка –
Лишь на крыльях катафалка
Мне отсюда на простор...
А пока – тюрьма кровати,

Санитары, доктора... –
Тень с косою и в халате,
Мира чёрная дыра...

* * *

Играл на скрипке новичок. –
Двора седые шхеры
Этюдом заполнял смычок,
Шальных ошибок серой.
И кто-то, улучив момент,
Вдруг крикнул – в клочья воздух:
«Ты пожалел бы инструмент,
Нашёлся тоже Ойстрах»!

* * *

Моё единственное тело
Со мною впредь не захотело
Делить земную маяту.
А маята была прекрасна,
Нежна, таинственна и страстна,
Но звёзды гаснут на лету.
Передо мной пейзаж безводный –
Пора душе в полёт свободный.

* * *

Погребальный запах лилий,
В смутном трепете душа... –
Солнце в комнату налили
Из оконного ковша.
Отозвались эхом в вазе
Миллиарды солнц в ответ. –
Три цветка в огне фантазий,
Лилии лиловый свет.
В бликах стол кипит, как улей,
Рой за розовым кустом. –
Солнце в комнату плеснули
С безудержным озорством.
Ни еврея нет, ни грека,
Только Слово и грехи... –
Из серебряного века
Слышу звонкие стихи.

ВАРИАЦИЯ 5-65 (ЛИСТ)

Я слышу эти вёсла сердцем,
За медный грош весь перевоз... –
Бурлит потоком дуодецим
Неутолимый Virtuоз.
Коварны Времени причуды,
Его изысков злая грусть, –
Все Трансцендентные Этюды
Оно играет наизусть.
Нет, не Шопена любит что-то,
Совсем иной его Парнас... –
Скачками Дикая Охота... –
.....
На нас.

* * *

Рассвет ещё не тлеет даже,
Но прошлое на льду гардин
Мерцает россыпью миражей,
Не драматических картин.
По соснам акробатства белок,
Луна в террасовом стекле... –
О, ночи дачных посиделок,
Когда всё просто на Земле...
И мы часов не замечаем,
Читая Моцарта с листа,
И тешимся остывшим чаем,
Да сорной ягодой с куста.
Ещё не порваны ветрами
Те узы, коих ныне нет,
И над фанерными шатрами
Вот-вот затеплится рассвет.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЗАКА

Когда уходит музыкант,
Теряет мир свой голос певчий,
Гармоний солнечный талант,
И злу подстергать нас легче,
Когда уходит музыкант.

Уходит друг – и в мире пусто,
И тщетно я зову сонет:
Беззвучна Муза и безуста,
Когда на свете друга нет.

Всё Волей Б-жьей, с ней не сладишь.
Судьба глядит из-за плеча. –
Сегодня я читаю Кадиш, –
Внимают вечер и свеча.

Постой, мой друг, спешить – не в моде,
Ах, не спеши же, не спеши... –
Галактик Хор – торжествен в Оде,
Ты хоть в *Adagio* – дыши!

.....
Allegro наше меркнет в коде,
Но плачут звёзды по Володе
Всей музыкой его Души.

СОНЕТ

И снова Солнце заходило
К загоризонтным временам,
И тучи чёрное кадило
Грозило молниями нам.
И полуночные светила,
Пространства пламенную плоть,
Что Воля Высшая взрастила,
Сегодня скрыл от нас Г-дь.
И лишь моё воображенье
Чертило радостным пером
Созвездий вечное круженье
И чёрных дыр беззвучный гром.

О, Чудо творческой поры,
Когда и мы творим миры!

ВАРИАЦИЯ 5-76

Ручей. Раздолье для рептилий.
Шипы. Колючки. Рёбра плит.
Змея, свернувшись между лилий,
Предупреждающе шипит.
Глядит упорно, но без злобы,
Она недвижимо на нас,
Здесь миг и вечность, жизнь и гробы –
Две бусинки-рубины глаз.
Что на душе у Б-жьей твари? –
Молчишь, Горацио? Молчи!
Ведь снам несущихся на Шаре
Не Канты, змеи – толмачи.
Нет, не философы. Увольте!
Но Мудрость, жаля и леча,
Явилась коброй в Верхней Вольте,
Змеёй гремучей у ручья.

* * *

Пространства жаркая кора,
Вселенной сжатая пружина, –
Ужель не Б-г, ужель машина,
Законов физики игра?
Созвездий острые спирали,
Туманности из поволок... –
Мы сочиняем пасторали
Огню, что царственно далёк.
Мы знаем всё: так почему же
С удушьем страха на оси
Кричим «Спасите наши души!» –
А надо бы шептать: «Спаси»...

СЕНТЯБРЬ

И солнце с танцами капустниц,
И сочно-пьяная трава... –
Ты, Осень, всё-таки права, –
Умело выбираешь спутниц.
Мерцают лужи-зеркала,
Бесшумна рысь весёлых конниц... –
Что умиранье для лимонниц?
.....
Вот так бы мне – во все крыла.

* * *

Осень лес пригубит
И возьмёт в окрас –
Что-то в синей глуби
Растревожит нас...
Там на грани слуха
В дрожи небеса –
Геликоптер-муха?
Просто стрекоза?
Упаду в ковыль я
Заповедных трав... –
Этот шелест – крылья
Золотых дубрав.

ВАРИАЦИЯ 5-83 («ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»)

Лес багровеет, как в тучах заря,
Слышу аккорды «Лесного царя»,
Всадника дробь нелегка, нелегка –
От репетиций немеет рука.
Что ж, на войне, как всегда на войне –
Осенью Шуберт печален вдвойне.
Бросить поводья – пусть конь будет прав!

И в половодье горящих дубрав!
В чаше грозящей – глазища мегер,
Что ж, *à la guerre*, как всегда *à la guerre*.
Смех, помело, баскервильский камыш... –
.....
Сердце свело, так прижался малыш...

* * *

Стихи, что я не сочиню –
О чём они? – Б-г весть...
Печали, женщине, коню? –
Но где-то они есть.
В какой небесной высоте,
Во тьме каких чернил
Навек остались строки те,
Что я не сочинил?
Вот так исчез за пеленой,
Как я с моей судьбой,
Полночный ветер смоляной,
Сосновых рощ прибой...

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА САЦА

Прощай же, друг. Я жив пока,
А Ты уже измерил Лету. –
Так ледяные облака
Плывут чредой по фиолету.
Поэмой к пламени – леса,
И клён, как Метнер, шепчет сказки.
Здесь смерть бессильна, и коса
Не жизнь сметает, только краски.
Так мы. И пусть тернов венец, –
Нас учит Бах своим Хоралом –
Беззвучья вечность – не конец,
Но возвращение к Началам.

Когда в обрыв Река из Рек,
Последним льдом по щёкам вея,
Я вспомню нашей дружбы век
И голос Твоего «Стейнвея»...

* * *

Я вспоминаю эти ночи
С их звёздной музыкой без слов, –
Пусть становились дни короче
И чаще пульса стук часов.
Но – гром аэропланнх арий –
Что небу время и страна?! –
И пели сосны-страдивари,
Стволы – как со струной струна.
Им отвечали клёнов кроны,
Берёз, чьи сладостны уста... –
Там ветер сочинял Чаконы
Дрожаньем каждого листа.
И тайною кусты дышали,
Что утром были на виду,
И ночь развешивала шали
И шла у тьмы на поводу.
Так контрапунктов до рассвета
Звенела вечная игра,
Меж тем, как жизнь, кончалось лето
Печальным шёпотом: «Пора»...

* * *

Софье Гильмсон

И снова восстаёт из праха
Моя сгоревшая душа,
Рекою Вариаций Баха
Вернуться к Г-ду спеша.
К той самой Арии начальной,
Забывтой нами ни за грош,
Когда, создав сей мир печальный,
Сказал Творец, что свет – хорош.

ПАМЯТИ ТАНЕЧКИ МУХИНОЙ

Сверкал дугою Млечный мост,
Ночного неба крепью, –
Разливы избытка звёзд
Над казахстанской степью.
И вглядывались мы до слёз
В секрет алмазной пыли,
И незаметно век наш рос,
Но молоды мы были.
Сиянье медное волос
Под медною луною... –
Твой не-ответ, мой не-вопрос,
Рассвет над целиною...
За бездну глаз, за мир в горсти
Лишь я один в ответе... –
Хотел сказать Тебе – прости...
.....
Да нет Тебя на свете...

* * *

Я позабыл тот старый лес,
Его заброшенные тропы,
Грозу и трепеты небес,
И книгу «Сумерки Европы»,
Что на столе, а стол – дощат,
Завял цветок в консервной банке,
И ночи напролёт трещат
Под крышей треснувшие балки.
Но всё проходит поутру... –
Над речкой Солнце лаской ивам...
А слёзы? Рукавом утру,
И снова радуюсь крапивам...

* * *

Четверострочие. Квартет.
Но здесь – всё сущее на свете. –
Полёт светил и скрип карет,
Молчит старик, и плачут дети.

* * *

Не мартовскими котами –
Забирайте повыше! –
Ветер гремит на тамтаме
Каждой жестяной крыши.
Весенние снегопады
При полном отсутствии почек –
Ветра ночные рулады –
Это ещё цветочек.
Грядут brutальные иды –
Бросайте в очаг поленья!
.....
Всё это под блеском эгиды
Глобального потепленья.

* * *

Живей газет на сквозняке,
Маслят разбега в сосняке,
Лисичек золота на мохе,
Живее города в окне,
Буонапарте на коне
Моя душа – в огне, в огне! –
.....
О, Марта сладостные вздохи...

* * *

В оврагах сугробы сопрели,
Истаяли в чёрных слезах.
Печально часами в апреле
Искать синеву в небесах.
Укрыться в беспамятстве речек
Напрасно надемся мы. –
И птицы смолкает бубенчик
В сетях не-весны-не-зимы.
Как нрав непогод неустойчив! –
Так пьяный разносит корчму. –
Ах, ветер, мечтатель мой, *dolce!* –
Нам смерч, как и смерть, ни к чему...

* * *

Владимиру Фрумкину

Я вспоминаю эти марты –
Неотразим Весны резон! –
Как птицы, вдруг являлись барды –
Не кандалов – гитары звон.
Они казались сквозняками
В крошечной затхлости тюрьмы,
Свободы нежными ростками –
И с песней оживали мы.
Пусть песнь без мудрости Сократа,
Не пир, а крошки со стола. –
Но Люциферу нет возврата,
Хоть краткой оттепель была.

* * *

Утра свирели
В рассветную сонь –
Поднаторели
Вы в танцах, –
Фасонь,
Дятел весёлый,
Рубин-хохолок, –
Солнечно соло
Луча в потолок!
Tutti ответом
Горячих лучей –
Viva поэтам
И звёздам ночей!

* * *

Не пиши, милый друг, не пиши,
Лучше звёзды слушай в тиши,
В зеркала полночных небес
Посмотри – ты зачах и облез.
Сочинение – яд для души,
Не пиши, дорогой, не пиши... –
Только чёрт подскочил: «Ай-яй-яй,
Сочиняй, мой дружок, сочиняй»!

* * *

Лететь в провал напропалую,
Вопить при этом Аллилуйю,
Лишь чёрт покажет леденец... –
.....
Что за комиссия, Творец!

* * *

Дождём пропитана земля –
Весны магические зелья.
И тайный шёпот слышу я –
Не с неба, но из подземелья.
Канон проснувшихся корней –
Такая музыка сквозь слякоть!
И столько жадной жизни в ней,
Что хочется летать и плакать.

ВАРИАЦИЯ 6-11

Бессвязных образов клубок,
И Хаос в Хоре. –
Сегодня мне приснился Б-г,
Я был с ним в ссоре.
Зачем добро со злом смешал,
Не дав границы,
И закружил наш жалкий шар
Волчком на спице?
Зачем смущаешь новизной,
Оставь, не надо!
Зачем блаженною весной
Послал торнадо?
Зачем цунами и самум,
И гибель злаков?
Зачем приходит мне на ум
Хитрец Иаков?
Зачем безумием пера
Я был отмечен?
Зачем мне уходить пора –
Обрывом речи?
Я наседал. Я был на Ты,
Презрев все громы. –
Да не дожидаться хромоты,
Коль мысли хромы.

ВАРИАЦИЯ 6-13

Тревожны холмы-Голаны,
В огне, как улицы Пресни.
Неслышимы аэропланы
В бездне.
Пахари целины
Застыли, как в старой песне, –
Солнцем утомлены.

* * *

Город весел был, как Вакх,
Музыка из парка, –
Только эхо в облаках,
Только сердцу жарко.
Что за празднество, о чём? –
Мне какое дело,
Раз, как ангел, над плечом
Скрипка без предела.

* * *

Солнце светит неустанно,
Стёкла – в золотом огне,
На стреле гиганта-крана
Луч – поэтом на коне.
Даже туча не погасит
Фейерверков фестиваль.
Но, как вспомнишь о Пегасе, –
Почему-то лошадь жаль...

* * *

По горизонту гроза бродила,
Ловила день на блесну.
Туча – пасть крокодила –
Глотала голубизну.
И в ужаса оцепененье,
В мерцанье зарниц,
Смолкли крики и пенье
Ворон, журавлей, синиц.
От ужаса сердце сжалось –
О, как ненадёжен кров! –
Безмолвствует Высшая Жалость
В час катастроф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К Читателю	5
<i>БОРИС КОКОТОВ</i>	
Светлой памяти моих родителей	10
Несколько простых слов	13
Тишина	14
Зритель	15
Но если я вернусь	16
Аберрация	17
Оплывающая свеча	18
Перемена мест	19
Три ричеркара	20
Долгое прощанье	21
Урок Родной Речи	23
Терминальный марш	24
Зеркало	25
Мимикрон	26
К Музе	27
В сериале посмертной мечты	28
Художник	29
Браво, Сальери!	30
Концерто	31
Превращение	32
Дриада	33
Амарилис	34
Рефлексия	35
Анабиоз любви	36
Иллюзион	37
Диагноз	38
Жертвам солнечных затмений	39
Оранжерея	40
«Лама сабахтани?»	41
У храмовых ворот	42

Сотвори себе остров	43
Пробелы	44
Глаголы прошедшего времени	45
Черновики	46
Дом	47
Пантомима	48
Сражение не состоялось	49
Бросок	50
Звезда	51

ВЕРА ЗУБАРЕВА

Колыбельная	54
“В дождь сильнее привязанность к дому...”	55
Вена	56
Небо Италии	57
К Венеции	58
“Ночь состоит из ломаных линий...”	60
“Дети не знают, что происходит глубокой ночью...”	61
“Нырять ночь...”	62
Стихи о волке	63
Два стихотворения	67
Море	68
Глубины	74
Ожидание	75
“Я живу вблизи океана – дикого зверя.”	77
Отпуск	78
Прогулка	79
К ракушке	80
Ушная раковина	81
Гадание по створке уха	82
Ребёнок	83
Пляж	85
Старухи	86
Одиночество	87
Размышления во сне	89

Смерть	90
Рим	92
Апельсин	93
Улитка	95

БОРИС КУШНЕР

Моцарт	98
“Я предал не страну, но дом”	99
Вариация-8 (“Она ворвалась в клубах пара”)	100
Вариация-300 (“Всё просто и непостижимо”)	101
Сонет (“Год угасает. Сумерки богов”)	101
Вариация 2-35 (Романс)	102
“Чем проще радость, тем полнее”	102
Сонет (“Мгновенья – слаще нет полона”)	103
Грамматический этюд	103
Вариация 3-50 (“На тьму наложено вето”)	104
“В острой жажде равновесья”	104
Контрапункт	105
<i>Obiter dictum</i>	106
Памяти Леонида Руховца	107
“И снова ветер по кругам”	107
Вариация 4-3 (“Скачи, Пегас! Сверкай верстами”)	107
Вариация 4-6 (“Не фея, что цветок лелеет”)	108
Еврейское кладбище в Варшаве	108
День памяти	109
“Синь занедужила слюдой”	110
“Вот уже и осень за углом”	110
“Мне снились бабушкины ноты”	111
“Давно не эпиталаму пою”	111
Вариация 4-90 (<i>Deus ex machina</i>)	112
“Чернеет Лета под веслом”	112
К 60-летию освобождения Освенцима	113
15 нисана 5765	113
Памяти Каталин Балла	114
“Найти письмо – как в сердце выстрел”	114

Вариация 5-16 (“Нас зазывали коммунисты”)	114
“Зонт, как небо, огромен”	115
Вариация 5-20 (“Узоры облачных вязаний”)	115
“Года, что как быки упрямы”	116
Вариация 5-21 (“Зудит критическая проза”)	116
“Неизбежность отторгая”	117
“И снова всем свинцовым весом”	117
“Отринуть все соблазны мира”	118
“Мефисто – в сто чертей виват”	118
“Ноябрь был необычно светел”	118
Сибелиус	119
“Я совершаю самосуд”	119
“Аэроплан был бешен”	120
“А сегодня всё сверкало”	120
“И шёпотом из-за черты”	120
“Утрата зрения и слуха”	121
“Очарованье словарей”	121
“Под окнами был юный лес”	121
Памяти	122
“Не печалуйся, ах, не печалься”	123
“До излёта взора”	123
22-е июня	124
“Лучи – сатиры Архилоха”	124
“Кислород, огни, каталка”	124
“Играл на скрипке новичок”	125
“Моё единственное тело”	125
“Погребальный запах лилий”	126
Вариация 5-65 (Лист)	126
“Рассвет ещё не тлеет даже”	127
Памяти Владимира Зака	127
Сонет (“И снова Солнце заходило”)	128
Вариация 5-76 (“Ручей. Раздолье для рептилий”)	129
“Пространства жаркая кора”	129
Сентябрь	130
“Осень лес пригубит”	130
Вариация 5-83 («Лесной царь»)	130

“Стихи, что я не сочино”	131
Памяти Александра Саца	131
“Я вспоминаю эти ночи”	132
“И снова восстаёт из праха”	133
Памяти Танечки Мухиной	133
“Я позабыл тот старый лес”	134
“Четверострочие. Квартет”	134
“Не мартовскими котами”	134
“Живей газет на сквозняке”	135
“В оврагах сугробы сопрели”	135
“Я вспоминаю эти марты”	136
“Утра свирели”	136
“Не пиши, милый друг, не пиши”	137
“Лететь в провал напрабую”	137
“Дождём пропитана земля”	137
Вариация 6-11 (“Бессвязных образов клубок”)	138
Вариация 6-13 (“Тревожны холмы-Голаны”)	138
“Город весел был, как Вакх”	139
“Солнце светит неустанно”	139
“По горизонту гроза бродила”	139